

18+

Хуана Хименес

Рим

Хуана Хименес

Рим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995743

ISBN 9785005113832

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Рим и Карфаген были двумя полюсами древней цивилизации, претендующими на универсальность, на то, чтобы стать мериллом общечеловеческой этики. Один из них неизбежно должен был погибнуть. Но кто же: Рим или Карфаген? Испанский филолог и лингвист Хуана Хименес не согласна с общепринятой исторической концепцией, считая ее идеологически мотивированной, и предлагает собственную версию.

Содержание

ГЛАВА 1. СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА	10
ГЛАВА 2. БЕГСТВО В АРАВИЙСКУЮ ПУСТЫНЮ	29
ГЛАВА 4. РАБСКИЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Рим

Хуана Хименес

© Хуана Хименес, 2020

ISBN 978-5-0051-1383-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КТО ПОБЕДИЛ: РИМ ИЛИ КАРФАГЕН?

octubre del 2018. España J.M. Jimenez

Traducido por A. Yasenetskaya

Все большее число людей приходит к пониманию, что прошлое народов неразрывно связано с их будущим. По мере накопления нового археологического и лингвистического – нередко странного – материала, не укладывающегося в рамки современных методов научного поиска, вне исторической науки возникает огромное число неакадемических исследований. К таким исследованиям часто прилагается термин исторический ревизионизм, причем в его обиходном словоупотреблении, имеющем уничижительный оттенок. В то же время исторический ревизионизм с «псевдо-исторической» коннотацией противопоставляется историческому ревизионизму в академическом смысле, то есть

официально дозволенному коренному пересмотру сложившихся исторических концепций. Как мне представляется, ученые-историки, объединившись в корпорацию под эгидой академической науки, не допускают в свою среду чужаков, не отмеченных корпоративной принадлежностью. Более того, каждое самостоятельное исследование, не являющееся компиляцией работ признанных авторитетов в области исторической науки, объявляется историками либо фальсификацией, либо крипто-исторической концепцией, – или крипто-историей – придавая последней совершенно иное смысловое значение, чем то, что семантически заложено в греческом корне **крипто-**, то есть тайный, скрытый, из чего следует, что слово «крипто-история» переводится как тайная или скрытая история. Официальные источники неправомерно называют крипто-историей литературный жанр фантастики, **"...основанный на фантастическом допущении, что реальная история человечества отличалась от известной нам, но была забыта, скрыта или фальсифицирована..."**. Между тем, крипто-история не имеет ни малейшего отношения к жанру фантастики и по своему внутреннему содержанию отлично согласуется с замечанием Оноре де Бальзака (1799—1850 г.г.), однажды написавшего: **«Существует две истории: лживая официальная история и тайная история, где видны подлинные причины событий»**. Поэтому в моей работе я использовала слово крипто-история (и производные от него слова) в его

исходном смысле – тайная или скрытая история. Я далека от того, чтобы серьезно относиться к различным теориям заговора, авторами которых являются иногда невменяемые люди. Но другая крайность – неприятие академической наукой многочисленных странных фактов, зафиксированных в человеческой истории и истолкованных исследователями как нечто, состоявшееся по объективным причинам, подстегивает любознательных людей, не принадлежащих к академической корпорации, дать собственное объяснение тем или иным необычным событиям. Если король гибнет на плахе – кто-то заинтересован в его казни, если рушатся империи – это кому-то нужно. Следовательно, смотри на результат и ищи выгодополучателя. А это означает, что возможны и новый подход к проблеме, и новые трактовки обнаруженных фактов. В исторической науке нередко случалось, что интерпретации прошлых лет изменялись в результате новых исторических данных, накопленных с течением времени. В этом и заключается привлекательность истории с ее невероятными находками и неожиданными открытиями. Жаль, что такие «неожиданности» не всегда возбуждают интерес профессионалов, а становятся предметом неакадемических исследований, авторы которых – журналисты, художники, химики, физики, врачи, в моем случае -филолог- уверены, следуя утверждению Грегоровиуса Фердинанда (1821—1891 г.г.), что **«...наука – такое поле, на котором работать никому не возбраняется...»**. По сча-

стью, вряд ли моей работой заинтересуются антиковеды, поскольку данная тема многократно и подробно была освещена в трудах романо-германских ученых, и с точки зрения современной историографии неинтересна. А это, в свою очередь, избавляет меня от предвзятой критики досужих умников, а заодно и от утомительного занятия делать сноски, указывая источники. Также она не рассчитана на массового читателя из-за непопулярности выбранной темы. Эта работа предназначена для тех, – к сожалению, немногих людей – кто не приемлет идеологически мотивированные концепции, и кому интересны **«подлинные причины событий»**. В ней я попыталась, говоря словами Гарри Барнеса (1889—1968 г.г.), **«...привести историографию в соответствие с фактами...»**. При написании работы я пользовалась классическими источниками, доступными в интернете, но и их оказалось достаточно, чтобы при внимательном прочтении материала на интересующую меня тему увидеть мелкие странные детали, которым античные и позднеантичные авторы не придавали значения, добросовестно описывая события, очевидцами каковых они были, или компилируя труды своих предшественников. Многие древнегреческие и древнеримские авторы, в том числе часто цитируемый современными исследователями Тит Ливий (59—17г.г. до н.э.), субъективно определяли степень правдоподобности информации, не интересуясь исследованием истинности описываемых событий и установлением причинно-след-

ственных связей. В случае с Титом Ливием, необъективным и ангажированным историком, налицо откровенная идеализация римлян и одностороннее отношение к другим народам. Впрочем, историю пишут победители и их прикормленные летописцы, что дает повод к более критическому подходу в анализе исторических событий и поиску их истинных причин.

Вот почему я утверждаю, что любое историческое событие можно интерпретировать в контексте крипто-истории, – будь то французские революции или война Белой и Алой роз в средневековой Англии – и по результатам такового (события) определить выгодополучателя. Каков итог войны роз? Смена правящей династии – раз. В результате так называемой **«династической войны»** была выбита почти вся нормандская знать – два. В Англии закончился период феодализма, и родился, а затем и окреп, капитализм – три. Новая знать, она же – торговая аристократия, прочно завоевала все стратегические позиции и в недалеком будущем вывела Англию в разряд самых развитых европейских стран. Это то, что лежит на поверхности, но в глубоком срезе обнаруживаются: зарождение новой идеологии власти денег и преобладания материальной выгоды над нравственностью; насаждение идеи приоритета врожденных прав англичан перед правами человека и доминирования в мире британской высшей расы, что стало следствием внешнеполитической экспансии, которую проводило маленькое островное

королевство, со временем преобразившееся в Британскую империю. Но сквозь имперские стяги, королевскую мантию и монархические традиции проглядывает древний лик забытой и почти неузнаваемой торгово-олигархической республики, власть в которой принадлежала богатейшим и могущественнейшим семьям. Как и тысячелетия назад, правит Карфаген.

ГЛАВА 1.

СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

Одним из важных аспектов крипто-истории является идеологически мотивированная концепция уничтожения римлянами государства Карфаген и геноцида его народа, в результате чего карфагеняне как этнос исчезли с лица земли в середине 2-го века до н. э. Несмотря на отсутствие прямых доказательств, я, на основании лишь косвенных данных, почерпнутых из исторических летописей греко-римских и раннехристианских авторов, утверждаю, что и после уничтожения **государства** Карфаген не только боролся с Римом, но и победил его. Римляне были уверены, что после окончательного разгрома Карфагена в 146-м году до н.э. дух его граждан сломлен, достоинство и самоуважение народа втоптаны в грязь римскими легионами и развеяны на городских пепелищах. Захватчики как-будто все сделали для этого: разграбили и разрушили до основания город с пригородами, а его жителей, – 50 тысяч – как повествует древнегреческий историк Полибий (200—120 г.г.до н.э.), автор **«Всеобщей истории»**, обратили в рабство. Римский Сенат постановил: Карфаген сжечь дотла, а место, где стоял город, засеять селитрой в знак того, что оно проклято. И Марк Порций Катон (234—149 г.г.до н.э.), ярый ненавистник Кар-

фагена, любую свою речь в Сенате завершавший рефреном **«Карфаген должен быть разрушен»**, мог бы праздновать победу, а вслед за ним и все римляне. Но отцы Рима, дальновидные политики и умные стратеги, в гордыне своей презиравшие все другие народы, не приняли во внимание лишь одно обстоятельство: разрушенный город Карфаген – это только разоренное и опустевшее место. С его уничтожением не исчезли карфагеняне, потомки и носители духа одного из древнейших народов, на протяжении тысячелетий проявлявшего чуда смекалки, изворотливости ума и упорства; народа, обладавшего необычайной жизнеспособностью, а сверх того знаниями и стратегическим мышлением в сочетании с коммерческой практичностью, цепкостью и холодным расчетом. Такой народ нельзя было одолеть и истребить. Немногие образованные римляне интересовались прошлым пунийцев, или пунов, как называли римляне карфагенян-финикийцев. Между тем, название «финикийцы» жителям Ханаана дали вездесущие путаники-греки, но самоназвание финикийцев – бен Анат, сыны Анат. В исторической науке за ними закрепилось также и другое название, библейское, – хананеи, т.е. жители Ханаана. Еще когда Рима не было в помине, Ханаан являлся одним из немногих древнейших цивилизационных центров на территории плодородного полумесяца. Земли Ханаана простирались на запад от реки Иордан до побережья Средиземного моря и, согласно официальным источникам, были заселены хеттами,

иевусеями и амореями. Не стану пока подробно останавливаться на описании этих народов. Скажу лишь, что древние хетты – индоевропейский народ, обитавший в Малой Азии и основавший там хеттское царство. Иевусеи – также несемитский народ, в конце 3-го тысячелетия до н.э. построивший Иерусалим. И амореи – западно-семитское племя скотоводов, кочевавшее от Сирийской пустыни до Шумера. Последние не имели влияния на культуру и социально-бытовой уклад ханаанских городов-государств, таких как Тир, Сидон, Библ, Арвад и др., основанных хананеями -хеттами и иевусеями- в незапамятные времена и ставших со временем крупнейшими морскими портами известного тогда мира. Именно Ханаану, а не Греции, принадлежало первенство в навигации и торговле. Можно с уверенностью сказать, что хананеи были родоначальниками морского флота, авторами самых передовых по тем временам технологий и средств коммуникации. Предприимчивые купцы хананеи-финикийцы из Тира и Сидона основали поселения на всех берегах и островах Средиземного моря. Им принадлежали колонии на Сицилии, Сардинии, Корсике, Балеарских островах, на Мальте, иберийском побережье (прибрежные территории современной Испании) и в Северной Африке. Хананеи ловили пурпурные раковины и добывали из них краску, разрабатывали рудники в местах, богатых металлами, изобрели способы производства стекла, вели оживленную торговлю с туземцами. Богатства Иберии-Испании и Ливии-Африки везли в великолеп-

ные города Ханаана-Финикии. Для нас современных людей само собой разумеется, что в нашем мире существует торговый флот, принадлежащий разным странам – Англии, Испании, Франции, России, США и т. д. Подразумевается, что корабли бороздили моря с тех пор, как люди начали вести меновую торговлю. Но мы не задумываемся о том, чтобы отправить корабли в дальнее плавание, нужны: 1) навыки кораблестроения, т.е. умение спроектировать и построить модель судна, способного держаться на воде и ходить под парусом с использованием попутного ветра и/или весел; 2) длительные наблюдения за атмосферными явлениями, как то: ветер, туман и т.д.; 3) астрономические наблюдения и знание карт звездного неба. Всеми этими знаниями и навыками владели древние хананеи-финикийцы более 4-х тысяч лет назад. Настоящим технологическим прорывом в области производства натуральных красителей с их практическим применением для окраски шерстяных и других тканей стала добыча пурпура из морских моллюсков иглянок и багрянок. Способ производства фиолетовой краски -тирского пурпура – был утрачен после падения Византийской империи в 1453-м году и заново открывался несколько раз европейскими учеными-химиками. В 1990-х годах во Флоренции обнаружили рукопись на тосканском наречии с описанием древнего крашения индиго: из раковин моллюска извлекали железы, содержащие прозрачную жидкость; сначала их давили каменным прессом и 3 дня выдерживали в слабом растворе соли; затем

полученную смесь помещали в металлические котлы и вываривали на слабом огне в течение 10 дней; после этого пропитывали ткань все еще беловатым раствором и выносили на воздух, где она меняла свой цвет, – сначала на зелено-желтый, затем на зеленый, синий и пурпурный. Вопрос не в том, каким способом хананеи это делали, а как они узнали, что прозрачная жидкость из железы моллюска способна окрасить ткань, если железы держать в соляном растворе, выварить, и только после высыхания на солнце покрытая этим составом ткань поменяет свой цвет. Производство пурпурной краски держалось в секрете и приносило ее производителю баснословные прибыли. И наконец, финикийская письменность, одна из первых засвидетельствованных в истории человечества систем фонетического письма. Изобретенный хананеями-финикийцами алфавит – древнейшая алфавитная система, существовавшая со 2-го тысячелетия до н.э., – лег в основу всех известных алфавитов. К финикийскому письму восходят все европейские и семитские языки. Это удивительное по своему значению новшество стало возможным, благодаря распространению в середине 2-го тысячелетия до н.э. ханаанского (финикийского) языка, бывшего в Передней Азии «лингва франка», на котором говорили различные народы, участвовавшие в древней меновой торговле.

Финикийцы далеко заплывали на своих кораблях, перевозя множество разнообразных товаров и основывая коло-

нии на чужих берегах. В 825-м году до н.э. переселенцы из Тира достигли берегов Северной Африки, где построили маленькую факторию Картаго-Карфаген. По преданию, (в греческом изложении и с греческими именами) город основала царица Дидона (Элисса), бежавшая от преследований своего брата царя Пигмалиона. Он убил мужа Дидоны – Сихея, чтобы завладеть его, Сихея, богатствами. На протяжении всей истории Карфагена его жители славились деловой хваткой. Согласно легенде об основании города, Дидона договорилась с местным племенем купить столько земли, сколько покроет бычья шкура. Дидона разрешила шкуру огромного быка на узкие полосы и уложила их вокруг большого холма. Посему крепость на холме называли Бирса – шкура. В 1-й испанской хронике «**Estoria de España**» (1282-й или 1284-й год), подготовленной королем Альфонсо 10 (1221—1284 г.г.) на основе латинских источников, сообщается, что «...слово **carthon** на том языке (ханаанском) означало шкура, кожа, и она, Дидона, – пишет автор хроники – назвала город **Carthago**.» В начале своей истории Картаго был неразрывно связан с метрополией, но в 8-м веке до н.э. положение в Средиземноморье сильно изменилось. Финикия была захвачена Ассирией, и многочисленные финикийские колонии, в том числе Картаго, стали независимыми. Ассирийское владычество вызвало массовый отток населения из древних финикийских городов в колонии. С этого времени население Карфагена пополнилось бежен-

цами настолько, что он смог, в свою очередь, сам образовывать колонии, а вскоре объединил вокруг себя остальные финикийские колонии в Северной Африке (Гиппон, Гадрумет, Большой Лептис, Малый Лептис, Фаш, Утика и другие), а также колонии в Иберии-Испании. Отчасти ловкой политикой и умственным превосходством, отчасти силой оружия и основанием колоний в землях кочевников, карфагеняне сумели подчинить себе не только приморские области Зевгитаны и Бизакии, но и продвинуться на большое расстояние вглубь африканского континента. Неистребимым упорством, завидной настойчивостью, неустанным трудом, хитростью, изобретательностью и деловой хваткой карфагеняне превратили маленькую тирскую факторию в процветающую столицу обширного и сильного государства. Вот что писал античный историк и географ Страбон (64—32 г.г. до н.э.) о народе пунов в своем сочинении «География»: **«Благодаря такому могуществу, они -карфагеняне- не только сделали свой город соперником Рима, но и вели против римлян 3 великих войны (3 Пунические войны). Это их могущество, пожалуй, яснее всего проявилось в последнюю войну (3-я Пуническая война с 149-го по 146-й г.г. до н.э), когда они были побеждены Сципионом Эмилианом, и город их был совершенно разрушен. Ибо когда они начали эту войну, они владели в Ливии (Африке) тремястами городами, а население города (Карфагена) составляло 700 тысяч человек (с пригородом**

Мегалия)». Это очень важное сообщение, так как, памятуя о пятидесяти тысячах жителей, обращенных в рабство после взятия города, речь может идти о геноциде народа пунов. Страбон не уточняет, что произошло с остальными горожанами (650 тысяч): были они убиты или умерли от голода и лишений. Среди античных историков – а это, как правило, греки, озабоченные событиями в Греции и ее отношениями с Римом, – нет ни одного, кто упоминал бы о столь массовых убийствах карфагенян. Очевидец и участник осады Карфагена древнегреческий историк Полибий, повествуя о событиях 3-й Пунической войны, очень много внимания уделял описанию заслуг своего патрона – консула-главнокомандующего Публия Корнелия Сципиона Эмилиана (185—129 г.г. до н.э.), и ни словом не обмолвился об истреблении более чем полумиллиона карфагенян. Но именно с его подачи в исторической науке утвердилось мнение о полном исчезновении народа пунов. Одновременно с уничтожением Карфагена в 146-м году до н.э. римляне разрушили Коринф, и это событие оказалось для Полибия более значительным и трагичным, чем печальная участь Карфагена, о чем автор **«Всеобщей истории» написал следующее: **«... если обрушившееся на карфагенян испытание кажется ужаснейшим, то не меньшим, скорее даже большим несчастьем должно почитать то, которое в описываемое время постигло Элладу...»** Далее в той же главе **«Величайшее несчастье эллинов»** Полибий пишет: **«...****

Под тяжестью бедствий карфагеняне, по крайней мере, совершенно исчезли с лица земли и на будущее время утратили чувство собственного несчастья; напротив, эллины не только сами своими глазами видели свои бедствия, но еще передали память о них детям и через детей внукам.» Собственно, описания осады, захвата Карфагена и истребления его жителей в сочинении Полибия отсутствуют, за исключением нескольких эпизодов: малодушие карфагенского главнокомандующего Гасдрубала Боэтарха, сдавшегося на милость Сципиона, трагическая сцена самоубийства жены и детей Гасдрубала, пожар города. Поэтому утверждение Полибия о том, что **«карфагеняне совершенно исчезли с лица земли»**, представляется, по меньшей мере, странным. В целом, в сочинении Полибия нет ни одной главы, полностью посвященной гибели Карфагена. Автор многократно отвлекается на многочисленные описания событий в Элладе, к которым он проявляет больший интерес, чем к карфагенской трагедии. Но даже немногочисленные главы из книг 37, 38 и 39, где фигурируют карфагенские события, изобилуют домыслами автора или пересказами событий, происходивших до взятия города, о которых историк не мог знать. Иногда Полибий, любитель **«полагаться в основном на беседы с очевидцами событий»**, просто цитирует респондентов. Так, в главе «Просьба Гасдрубала к Голоссе ходатайствовать перед Публием (Сципионом) за Карфаген» нумидийский царь Голос-

са, непримиримый враг Карфагена, высказывает свое мнение о противнике: « **Карфагенский военачальник Гасдрубал был тщеславный хвастун, не обладавший дарованиями ни государственного человека, ни главнокомандующего**“. Там же автор, опираясь на „рассказ очевидца“, пишет о Гасдрубале так: „...при виде поступков **нельзя было не поразиться его подлостью и трусостью. Так, когда прочие граждане умирали от голода, он устраивал для себя пиры с дорогостоящими лакомствами, и своею тучностью давал чувствовать сильнее общее бедствие**“. В другом месте Полибий рассказывает неизвестно от кого услышанную историю о том, как Гасдрубал, еще не будучи главнокомандующим, чтобы получить эту должность, обвинил в предательстве начальника обороны города, и „...**тот, бедняга, – пишет Полибий — растерялся и ничего не успел ответить, как сенаторы тут же забили его до смерти скамейками**.“ Понятно, что Полибий слышал обо всех этих подробностях уже после захвата города, но нет абсолютной уверенности в том, что информатор – очевидец события – сказал правду. Впрочем, хитрый грек не интересовался правдоподобностью полученной им информации, так как, находясь при Сципионе Эмилиане в качестве летописца и биографа римского полководца, преследовал иные цели. Когда после победы Рима в 3-ей Македонской войне (168 г. до н.э.) Греция фактически потеряла независимость, Полибий, бывший

одним из руководителей Ахейского Союза, находился в числе тысячи влиятельных ахейцев, интернированных в Рим. Здесь Полибий, сблизившись с семьей победителя Македонии Луция Эмилия Павла (228—160 г.г. до н.э.), вел себя не как побежденный, но как верный союзник Республики, сознающий свою ответственность перед родиной. Свою задачу патриота он видел в следующем: **«Долг эллина – оказывать в трудных обстоятельствах всяческое содействие эллинам, то защищая их или прикрывая их слабости, то смиряя гнев властителей»**. Древнеримский историк Гай Веллей Патеркул (19 г. до н.э.– 31 г.н.э.), подтверждая патриотическую позицию древнегреческого историка, писал: „...**Полибий и Панетий** извлекли пользу из дружбы с вождями: оба они, пользуясь расположением Сципиона, оказали важные услуги своей родине...». Опытный политик Полибий исходил из **„исторической необходимости“** возвышения Рима, предполагающей, по мнению историка, подчинение Риму не только Греции, но и всего остального мира. А потому его непоследовательный и часто прерывающийся рассказ о взятии Карфагена написан в весьма определенной тенденции прославления Римской республики – **„самой совершенной формы человеческого общежития“**. От лица всех греков Полибий высказывает „Суждения эллинов о достоинствах римской политики“: „... они (римляне) уничтожили грозившую им постоянно опасность и истребили государство

(Карфаген), которое неоднократно оспаривало у них первенствующее положение... тем самым они обеспечили владычество за родным городом (Римом), что и свидетельствует о высоком уме и дальновидности народа.“ Мне представляется, что в свете приведенной цитаты вопрос о количестве жителей города накануне третьей Пунической войны был аккуратно обойден историком, чтобы не могло возникнуть сомнений в полноценности победы Сципиона Эмилиана над Карфагеном. В самом деле, правдиво ли утверждение древнегреческих историков (кроме очевидца Полибия) о том, что на момент осады в городе находилось 700 тысяч человек? Такой античный мегаполис вполне мог противостоять восьмидесяти тысячной римской армии. Даже если бы количество мужчин, способных держать оружие, составляло всего 1/3 от всех горожан, то и тогда это число превышало численность римлян в 2,5 раза. Между тем, античные писатели в один голос утверждают, что в защите города принимали участие все – мужчины, женщины, старики и дети. Два с половиной года римляне безуспешно осаждали Карфаген, и только после прибытия к войску Публия Сципиона Эмилиана в войне наступил перелом. Захват Карфагена был кульминационным моментом в повествовании античных летописцев. И если Полибий ограничился фразой: „...Сципион проник в город, но карфагеняне продолжали борьбу с высот Акрополя...», то древнегреческий историк Аппиан Александрийский (95—165 г.г), автор 24-х

томного сочинения **«История Рима»**, оставил полное драматизма описание уличных боев, происходивших в течение 7 дней и 6 ночей, после того как римляне, преодолев мощные городские стены, ворвались в Карфаген. Несмотря на впечатляюще описанную Аппианом агонию города со всеми кровавыми подробностями, вряд ли тогда погибли 600 тысяч. Вдобавок, ни один из античных авторов не называет хотя бы приблизительное количество жертв с обеих сторон. По всей вероятности, к началу осады в городе оставалось около 80 тысяч: из них 30 тысяч солдат под командованием Гасдрубала Бозтарха, по свидетельству того же Полибия, остальные – гражданские. Косвенным доказательством тому является факт, о котором упоминает Полибий, а за ним и Страбон: еще до осады города римляне потребовали от карфагенян передать все оружие, что те и выполнили с готовностью, надеясь, что, получив свое, агрессор уберется восвояси. Карфагеняне сдали, кроме 3 тысяч требюшетов для метания камней, 200 тысяч полных комплектов оружия. Очевидно, в городе не осталось столько защитников, даже если вооружить женщин, детей и стариков. Можно привести еще одно, также косвенное, доказательство: по свидетельствам античных авторов, стены Карфагена – 15 метров в высоту и 8 метров в ширину – были неприступны. Когда римская армия сосредоточила свои усилия на восточной – менее укрепленной – стене, карфагеняне также перебросили все свои силы в этом направлении, оставив западную, более укреп-

ленную стену, почти без защиты. Здесь, в западной стене римлянам удалось пробить брешь. Если бы карфагенян было 700 тысяч, они смогли бы организовать крепкую оборону по всему периметру и отбить восьмидесяти тысячную римскую армию. Должно быть, карфагеняне уступали римлянам в количественном отношении, и потому неприступные стены не спасли горожан. Возможно, множество карфагенян умерло от голода во время осады. Однако, Аппиан утверждает, несмотря на осаду, в город морем доставлялось продовольствие. Следовательно, умерли беднейшие, слабые и больные, а богатые и знатные могли покинуть Карфаген. Пока Сципион Эмилиан окончательно не блокировал Карфаген с 4-х сторон, существовала вероятность того, что большое количество хорошо обеспеченных семей, способных оплатить дорогостоящий проезд, имело возможность отплыть на купеческих кораблях, доставлявших съестные припасы. Обращает на себя внимание любопытный эпизод, вскользь упомянутый Страбоном, и более подробно описанный Аппианом. По сообщению Страбона, карфагеняне в обстановке строжайшей секретности, **«...сумели построить в течение 2-х месяцев 120 палубных кораблей. Так как устье Кофона охранялось врагами, – говорится у Страбона – то они прокопали другое устье. И их флот неожиданно вышел в море, ибо у них был старый запас строительного леса, и множество мастеров-плотников содержалось за государственный счет»**. О том, куда направились

карфагенские корабли, Страбон не сообщает. Аппиан упоминает о том же, но добавляет: **«...теперь же они выплыли только для показа и, гордо посмеявшись над римлянами, вернулись назад в гавань»**. Сам-то Аппиан этого видеть никак не мог, потому что родился 240 лет спустя, а Полибий, очевидец событий, об этом параде умалчивает. Значит, одно из двух: либо данного эпизода не было, и Аппиан пересказал чей-то вымысел, либо такое событие имело место, но послужило иной цели: часть карфагенских кораблей вступила в сражение, отвлекая на себя римские корабли, тем самым давая возможность другим судам с беженцами уйти от преследования. После столь бессмысленной демонстрации флота карфагеняне не предпринимали никаких действий 3 дня, продолжает рассказ Аппиан, **«...и войска Сципиона имели возможность подготовиться к морской битве.»** Как и следовало ожидать, ни один из древнегреческих историков не описывает ту самую битву, к которой готовился Сципион, и только Аппиан как-будто с неохотой замечает: **«...мелкие суда карфагенян напали на римские корабли, сжигая их и причиняя им немалый урон своими действиями.»** Вскоре карфагенян постигла неудача, повествует греческий автор: **«...когда карфагенские корабли возвращались после долгого и нерешительного боя в гавань, их мелкие суда стеснились при входе в канал, и, задержанные этим, триремы сильно пострадали от тяжелых римских ко-**

раблей.» Аппиан не утруждает себя сообщить, сколько кораблей участвовало с обеих сторон в этом «долгом и нерешительном бою», Полибий же вообще не упоминает какие-либо морские сражения, а только зачем-то констатирует очевидный факт: **«...знание морского дела у карфагенян восходит к глубокой старине, и они занимаются мореплаванием больше всех народов...»** Что касается морских сражений, то они, конечно, происходили, и победа не всегда оставалась за римлянами, о чем не торопились поведать ангажированные древнегреческие историки. Исход же всех битв решила блокада города, но и тогда оголодавшие карфагеняне до последнего дня защищали свою столицу. Озлобленные собственными неудачами и упорным сопротивлением противника, римляне, ворвавшись в город, подожгли Карфаген. Полибий, оставаясь верным завсегдатаем «сципионовского кружка» и преданным своему патрону, повествует: **«Сципион не был рожден для роли палача побежденных, он болел душой, наблюдая, как огонь уничтожает величественный город, который так мужественно отстаивали его граждане... Он запросил Сенат, что делать дальше, и видно было, что он желал бы сохранить Карфаген... Но Сенат постановил уничтожить его. Город был снова зажжен, и семнадцать суток горели остатки столицы...»** Глядя на грандиозный пожар, Сципион Эмилиан, по словам Полибия, **«заплакал от жалости к гибнущему городу»** и даже проци-

тировал отрывок из «Илиады». Не думаю, чтобы Сципион проливал слезы, – не в обычае римлян было горевать над разрушенными городами своих врагов. А Сципион Эмилиан показал себя еще в Ближней Испании в 151 -м году до н.э., где римляне с особой жестокостью расправились с мирными жителями сдавшегося на милость победителям городка Каука (совр. Коко в провинции Сеговия). Очевидно другое: опытный полководец Сципион Эмилиан, захватив в опустевшем огромном городе 50 тысяч пленных, из которых половина были женщины и дети, разгадал обман карфагенян и понял, что эта сомнительная победа не положила конец войне между Римом и Карфагеном. Доказательством тому слова Сципиона, сказанные им Полибию: **«Я терзаюсь страхом при мысли, что некогда другой кто-нибудь принесет такую же весть о моем отечестве...»** Отчего появился страх у профессионального солдата, умного прагматика, жесткого, не подверженного слабостям и сомнениям человека, каким описывал Полибий Сципиона до захвата Карфагена? Казалось, после трех лет тяжелейшей осады, гибели тысяч римских солдат и, наконец, заслуженной победы консул-главнокомандующий, стоя над горящими руинами повергнутого им города, должен, по меньшей мере, испытывать удовлетворение. Но Сципиона терзает страх. Вряд ли Сципион в ту минуту, действительно, думал о том, что произойдет с Римом только через 600 лет. Видимо, старый солдат увидел то, чего не захотел замечать лукавый Полибий: сре-

ди взятых в плен горожан отсутствовали члены богатейших олигархических семейств, не было также ученых, архитекторов, инженеров, врачей и других представителей интеллектуальной элиты. Полибий верноподданнически повествует о том, как достойно и благородно обращался с пленными его патрон Сципион Эмилиан, но в то же время не называет ни одного знаменитого имени. По логике вещей, автор должен бы упомянуть о взятых в плен членах миата – Совета Судей. Миат был главным органом управления торгово-олигархической республикой и состоял из 104 представителей самых богатых и могущественных семей, а также двух шофетов (или князей) – гражданского и военного. Более того, Полибий нигде в своей **«Всеобщей истории»** не перечисляет захваченные римлянами богатые трофеи. Почему? Да потому, что еще до высадки римских легионов в тунисской бухте богатейшие граждане, элита, равно как и высшее жрецство, покинули Карфаген и вывезли все свои богатства и родственников, что, собственно, и понял Сципион, и что стало причиной его страха. Возможно, беглецы отправились в Иберию-Испанию или какую-либо другую карфагенскую колонию. Некоторые из них, может быть, вернулись в древние города (Тир, Сидон, Библ) на свою прародину. Среди тех, кто покинул родину, вполне вероятно, были и члены клана Баркидов: родственники, друзья, политические сторонники и партнеры по коммерции. Для них не имело смысла оставаться в Карфагене, подвергаясь преследованиям политиче-

ских противников, винивших во всех бедах страны семейство Барка. Правда и то, что почти нигде невозможно было укрыться от римских захватчиков. Но не напрасно Сципиона Эмилиана терзали страхи, потому что дальнейшие странные события после падения Карфагена показали, что далеко не все пуны погибли в огне городских пожаров, что многие бывшие карфагеняне сохранили свободу и материальные средства. И продолжили борьбу.

ГЛАВА 2. БЕГСТВО В АРАВИЙСКУЮ ПУСТЫНЮ

У меня есть предположение, что именно пунийские бегенцы, покинувшие Карфаген задолго до его падения в 146-м году до н.э., стали катализатором расцвета Nabateycko-го царства во 2-м веке до н. э. На первый взгляд, это может показаться фантастикой. Впрочем, не менее фантастично и то, что арабы-номады внезапно, буквально в считанные десятилетия, из кочевников превратились в оседлый народ, а заодно в чудо-архитекторов и строителей. Но все по порядку. Несмотря на безусловные победы Ганнибала Барки на территории Италии, вторая Пуническая война с Римом (218—201 г.г.до н.э) завершилась для Карфагена поражением. По условиям мира, Карфаген должен был выплачивать Риму огромную контрибуцию в 10 000 талантов золотом в течение пятидесяти лет. Сверх того, Карфаген терял все свои заморские владения и богатства колоний (например, испанские серебрянные рудники) и весь флот (кроме 12 кораблей), также он не имел права вести войну с кем-либо без разрешения Рима. **«После победы над Карфагеном и бегства Ганнибала римляне, тем не менее, продолжали с затаенной завистью и опасением смотреть на Карфаген, который снова стал богат, — писал в сво-**

ей монографии „История Рима“ Теодор Моммзен (1817—1903 г.г.) – и все более и более распространялось в Риме мнение, что для спокойствия Рима необходимо уничтожить ненавистного соперника.» В 183-м году до н.э. в далекой Вифинии в изгнании умер, приняв яд, 63-летний Ганнибал Барка, – и римские сенаторы вздохнули с облегчением, а Карфаген лишился последнего могучего защитника. В таких условиях, когда торгово-олигархическая республика не имела возможности даже защищаться, многие, столь предусмотрительные, сколь и богатые, пунийцы покинули обреченную страну, понимая, что 50 лет отсрочки не спасут ее от неминуемой гибели: как только Карфаген выплатит контрибуционное золото, Рим начнет новую войну, что в итоге и произошло. Могли беглецы достичь Эдома? Могли. И сделали это. О Набатее известно немного. Да и эти сведения дошли до нашего времени через компедиумы Диодора Сицилийского (80—29 г.г. до н.э.; некоторые историки называют другие даты: 90—30 г.г. до н.э.), Страбона и Иосифа Флавия (37—100 г.г.). Информация скудная. Набатейя, она же Эдом, занимала центральную и южную части современной Иордании и южную и юго-восточную части современного Израиля. Сведений о происхождении набатеев нет, но, скорее всего, по мнению историков, набатеи были арабами-кочевниками и занимались перевозкой благовоний, пряностей, наркотиков, шелка и драгоценных камней из Персидского залива и Йемена через Аравийскую пу-

стынию в Дамаск и Газу. В 3-м веке до н. э. Nabatea оказалась объектом соперничества молодых держав диадохов – птолемеевского Египта и государства Селевкидов, заинтересованных в торговле с Аравией, – караванные пути проходили по набатейской территории. Так бы все и продолжалось, но в 1-й половине 2-го века до н.э. в истории набатеев произошел мощный скачок, даже переворот. В течение нескольких десятилетий кочевой народ умудряется осесть на вышеозначенной территории, овладевает искусством зодчества, а значит, учится бороться с пустотой и умирять пространство. Ирригационный опыт совершенствуется до гениальности: с помощью терракотовых труб архитекторы создали сложную систему водоснабжения – и Аравийская пустыня зацвела садами. Бывшие перевозчики обучаются торговле, и уже сами назначают цены и взимают пошлины. Делают своей столицей Петру (Ракма), расположенную на пересечении трех главных торговых путей, и хранят в ней, по преданию, несметные богатства. Наследственная монархия в Nabatee ведет отсчет с воцарением Ареты 1 (которого, на самом деле, звали Эней) в 169-м году до н.э. (за 20 лет до начала осады Карфагена). Позднее набатейская верхушка породнилась с иудейской. Так, матерью Ирода 1 Великого (73—4 г.г. до н.э.) была набатейская принцесса Кипра, а отцом – Антипатр-идумеянин (? -43 г.г. до н.э.) – прокуратор Иудеи. Таковы общие сведения о Nabatee и ее обитателях. Скудность информации не позволяет ответить на вопросы: кто

и зачем построил города среди пустыни. Некоторые историки предполагают египетские истоки набатейской архитектуры, но определенности в этом вопросе нет. По моему мнению, архитектура Петры (Ракмы) и других набатейских городов (Хегра, Авдат) несравнима ни с египетской, ни с греческой. Историческая наука не допускает сослагательное наклонение, но если бы сохранились хотя бы фрагменты монументальных зданий в сожженном дотла пуническом Карфагене, исследователи отбросили бы все сомнения в том, что набатейские храмы и гробницы, вырезанные в скалах, – архитектурное наследие Карфагена. Знаменитый храм Эль-Хазне в Петре, приукрашенный более поздними римскими лепными поделками и капитально обновленный в 20-м веке, отчего здание приобрело открыточный вид, – действительно, древняя постройка. Несмотря на очевидность коринфских колонн, на капителях под более поздним растительным декором угадываются стилизованные рога – древний мотив, более четко выраженный в другом памятнике, - в храме Ад-Дэйр. Оба храма – Эль Хазне и Ад Дэйр – имеют разорванный фронтон, между не сходящимися концами которого находится свободное пространство для пьедестала, где помещена ваза, поставленная на подставку с зауженными острыми краями в виде стилизованных бычьих рогов. В Ад-Дэйре эта композиция – ваза и несущие ее стилизованные бычьи рога, выходящие из подставки, – особенно рельефна. Французский католический теолог и археолог Жан Старки

(1909-?г.г.) датировал возведение храма 2-м веком н.э., – годами правления царя Nabatei Rabbel II Soter (? -? г.г.) – отождествив архитектуру Ад-Дэйра с архитектурными особенностями другого здания – библиотеки Цельса в Эфесе, построенной при императоре Адриане (76—138 г.г.). Между тем, библиотека Цельса – типичная эллинистическая постройка с софитами в архитравах, характерных для строений коринфского ордена, – не имеет ничего общего с архитектурным творением, созданным неизвестными зодчими тремя веками ранее. Отличительной особенностью сохранившихся монументальных набатейских сооружений – храма Ад-Дэйр, ворот храма в Авдате, скальных захоронений в Хедре (Мадаин-Салих), храма Душары в Петре – является горельефный диск – древний, как мир, солярный знак. Для понимания внутреннего содержания и символического смысла композиции из вазы на подставке, имеющей зауженные и загнутые кверху концы, наподобие рогов, а также солярных знаков, украшающих фронтоны зданий и гробниц, необходимо помнить, что карфагеняне и их сородичи финикийцы – потомки малоазийских солнцепоклонников – почитали древние культы, очень популярные у земледельческих народов, – культ Великой Матери – Богини плодородия и культ «Непобедимого Солнца».

Хотя история Карфагена начинается с 9 века до н.э., но вплоть до 480 года до н.э., до битвы при Гимере (сражение между греками и карфагенянами за контроль над Сицили-

ей), написать эту историю нельзя – не скрывал своего разочарования Жильбер Пикар (1913—1998г.г.), один из ведущих знатоков карфагенских древностей. Ему вторил немецкий историк Вернер Хусс (род. 1936 г.), полемически восклицая: **«Я преисполнен куда большего скепсиса; написать историю Карфагена невозможно... можно, в лучшем случае, написать отдельную главу для этой истории»**. Причины понятны: все карфагенские письменные памятники погибли по вине римского варварства – после захвата города в 146-м году до н.э. библиотеки были истреблены, их незначительная часть подарена нумидийским царям и позднее утеряна. Поэтому история народа пунов известна исключительно по обрывочным упоминаниям из фрагментарно дошедших до нашего времени исторических работ Фукидида, Диодора, Полибия, Ливия и других авторов, проявлявших интерес к Карфагену только в одном – его отношениях с греками и римлянами. Причем эти отношения были однозначны – это войны между Карфагеном и Грецией, позднее – между Карфагеном и Римом – за рынки сбыта, что определило пристрастный характер античных сочинений, в которых противник почти всегда изображался с откровенной неприязнью. Помимо этого, победители постарались выстроить историческую память так, чтобы на их стороне оказалась не только сила, но и справедливость. А посему греко-римские авторы приложили максимум усилий для шельмования религии карфагенян, своих извечных торговых со-

перников и врагов. В результате еще в античные времена сложилось мнение о пунах как о жестоких, кровожадных и развращенных варварах, приносивших человеческие жертвы. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский в своем сочинении «Историческая библиотека» писал: «...**видя, что их городу грозит опасность, карфагеняне принесли в жертву Кроносу (Молоху) сотни своих детей, чтобы предотвратить беду...**» Причиной беды был гнев Кроноса на жителей города, «...**которые перестали жертвовать своих первенцев, заменяя их покупаемыми детьми.**» Согласно Диодору, в Карфагене стояла бронзовая статуя, изображавшая Кроноса, "**...с вытянутыми руками, с повернутыми вверх и слегка наклоненными книзу ладонями, так что ребенок, положенный в руки бога, падал в огненную яму у подножия статуи**». Другой ученый грек, Плутарх (46—127 г.г.), в своем трактате «О суеверии» написал следующее: «...**сознательно и намеренно они (карфагеняне) приносили в жертву своих собственных детей, а те у кого детей для заклятия не было, покупали их... Мать ребенка хладнокровно стояла рядом, не издавая ни единого стога, а если даже и рыдала, то вызывала этим только презрение ...**". Так как письменные пунические источники не сохранились, а изображение человека (предположительно, жреца) с ребенком в руках на одной из уцелевших стел (без надписи) трактовалось учеными как акт жертвоприношения, то среди ис-

ториков Нового времени – вслед за греко-римскими авторами – распространилось мнение об обычае карфагенян отдавать своих первенцев во всеожжение, наследовав его (обычай) от сородичей финикийцев. Современные исследователи в своих работах часто ссылаются на фундаментальный труд **«Всеобщая история»** немецкого историка и филолога Георга Вебера (1808—1888 г.г.), описавшего религиозные вкусы карфагенян так: **«Как в государственном устройстве карфагеняне сохраняли у себя порядок, какой существовал в Тире, так и в религии они держались финикийских верований и обрядов... Они сохраняли во всем ужасе страшное служение богу солнца и огня Молоху, жертвоприношения которому получили такое развитие... Карфагеняне любили его до такой степени, что сладострастные обряды и человеческие жертвоприношения Молоху оставались у них в полной силе, когда в самом Тире этот разврат и бесчеловечие уже были уничтожены влиянием греков и развитием гуманизма.»** А вот что писал немецкий историк и педагог Карл Фридрих Беккер (1777—1806 г.г.). в своей книге **«Мифы древнего мира»**, предназначавшейся учащимся гимназий: **«Религия в Карфагене была та же, что и в Финикии, и при поклонении Молоху карфагеняне приносили даже человеческие жертвы. В народном характере дурные черты далеко превосходили хорошие. Рядом с неутомимым трудолюбием на-**

блюдался мелочный торгашеский дух и низкая алчность, наряду с патриотической самоотверженностью присутствовали эгоистический партийный дух, жестокая и слепая расовая ненависть к другим народам, особенно к грекам и римлянам.» Это более чем спорное утверждение немецкого ученого скалькировано с необъективной оценки, данной карфагенянам Титом Ливием, который считал их вероломными, жестокими, хвастливыми, надменными, не знавшими «...ни правды, ни добродетели, не соблюдавшими клятв и не уважавшими святых...". Древнегреческие авторы не пожалели сил, чтобы ославить и метрополию, а римские историки продолжили эту традицию. Так, древнеримский историк Квинт Курций Руф (? -? г.г.) в составленной им для императора Клавдия (10 г. до н.э.-54 г.н.э.) «Истории Александра Великого», описывая осаду Тира (332 г. до н.э.) Александром Македонским (356—323 г.г. до н.э.), сообщал, что граждане Тира предложили пожертвовать Сатурну (римский вариант греческого бога Кроноса) ребенка одного из наиболее видных семейств города. Совет Старейшин, однако, воспротивился этому предложению, хотя данный обычай, добавляет римский историк, был передан Карфагену его тирскими основателями. Между тем, предшественник Квинта Тит Ливий в своем многотомном сочинении «История Рима» описывал любопытный эпизод, свидетельствовавший о том, что в Римской республике в конце 3-го века до н.э. прино-

сили человеческие жертвы: после поражения при Каннах 2-го августа 216-го года до н.э. (2-я Пуническая война с Ганнибалом) по указанию Сивиллиных Книг римляне принесли в жертву рабов, закопав их живьем на Бычьем рынке. Волна клеветы и шельмования уже поверженного (как ошибочно думали римляне) противника была такой мощной, что доказалась до времени, когда на исторической арене уже не одну сотню лет христианство потрясло основы Первой римской империи, и его апологеты наводнили греко-римское информационное поле своими трактатами о преимуществах христианской религии. Христианский писатель и отец истории церкви Евсевий Кесарийский (260/265—339/340 г.г.) в своем сочинении **«Приготовление к Евангелию»** приводит цитату из **«Истории Финикии»** Филона Библского (ок.50—138 г.г.), цитировавшего, в свою очередь, древне-финикийского автора Санхуниатона, жившего, по словам Евсевия, когда **«Семирамида была царицей в Ассирии»**. Цитата, использованная Евсевием, служила для доказательства превосходства христианства над языческими жестокими богами, что святой отец всячески подчеркивал: **«У древних был обычай, по которому во время великих несчастий от опасностей властители городов и народа отдавали самое любимое дитя на заклятие карателям-богам в качестве искупления...»** Филон Библский был довольно плодовитым писателем, но ничего из его литературного наследия не сохранилось. Он написал **«Историю Финикии»**

в девяти томах, но современные исследователи не имеют даже намека на содержание 8-ми из них, а цитата, приведенная Евсевием, – всего лишь обрывок из 1-й книги, в которой рассказывалось о мифологической предыстории финикийцев. Преследуя свои хорошо известные цели, Евсевий исказил смысл цитаты в контексте богословского сочинения, потому что у Филона было написано так: **«Крон... когда на страну обрушились величайшие несчастья вследствие войны, украсив царским нарядом своего сына от нимфы Анобет и соорудив жертвенник, принес жертву...»** Очевидно, что Евсевий выдает древний миф за реальность. И можно ли с уверенностью сказать, использовал ли Филон не дошедшие до его времени произведения Санхуниатона? Филон намеревался познакомить греко-римского читателя с историей и мифологией древней Финикии. Еще за несколько веков до Филона после завоеваний Александра Македонского возник жанр историко-мифологической литературы с поставленной перед этим жанром задачей – вставить историю покоренных восточных народов в обще-исторический контекст, основой которого была греческая история. Так появились произведения восточных авторов на греческом языке, знакомившие греко-язычных читателей с историей восточных стран: история Египта Манефона (к. 4-го – нач. 3-го в.в. до н.э.), история древней Месопотамии Беросса (ок.350/340 – 280/270 г.г. до н.э.), история Тира Менандра (? -? г.г. до н.э.) и Дия (? -? г.г. до н.э.). В том же жанре работал

и Филон. Одним словом, несмотря на наличие множественной, но недостоверной и предвзятой информации, исходившей от греческих, римских и вторящих им христианских авторов, как отмечал Э. Внук-Лепиньский (1949—2015 г.г.): **«...пока отсутствуют прямые свидетельства из самой Финикии, и тем более Карфагена, относительно жертвоприношения детей, призванного смягчить гнев богов и спасти город или страну от большого несчастья».** В 1921-м году археологи обнаружили место, где были найдены несколько рядов урн с обуглившимися останками животных и/или детей. Место назвали Тофет. Позднее отыскались и другие поля с урнами. Одному из них, расположенному вблизи торгового порта пунического Карфагена, дали название Тофет Саламбо. Всего нашли 20 000 останков (то ли животных, то ли детей), хоронившихся жителями на протяжении 200 лет. Неопределенность и недостоверность находок заставляет усомниться в правильности утверждений исследователей о человеческих жертвоприношениях. **Во-первых**, в 146-м году до н. э. римляне сожгли дотла пунический Карфаген, и более ста лет земля, распаханная и посыпанная селитрой в знак вечного проклятия, пустовала. Гай Юлий Цезарь (100—44 г.г. до н.э.) приказал построить на этом месте новый город, но люди боялись селиться на проклятой земле, и только в 29-м году до н.э. в нескольких километрах от прежнего возник римский Карфаген, один из крупных центров римской провинции Африка. Поэтому малове-

роятно, чтобы сохранились какие-либо определенные доказательства детских жертвоприношений из сожженного пунического Карфагена. К тому же, гипотеза о регулярных жертвоприношениях младенцев в Карфагене основана не на изучении кремированных останков, а на примерах человеческих жертвоприношений, описанных несколькими древними летописцами. **Во-вторых**, Тофет – это арамейское слово **TePNAYA**, означающее «очаг», поэтому мне непонятен такой волюнтаризм в выборе названия места. Вполне вероятно, археологи соотнесли название погребальных полей с библейскими высотами, называвшимися тофетами, где народ Книги совершал свои всеожжения. Однако, место захоронений урн с останками и печь, в которой сжигают останки, – не одно и то же, а потому параллель с библейским обычаем сожжения жертвы считаю неправомерной, а название полей с захоронениями неточным. **В-третьих**, нет конкретных и неопровержимых доказательств того, что все 20 тысяч останков принадлежали детям мужского пола, да еще и первенцам. Действительно, в Карфагене существовал обычай хоронить взрослых, стариков и детей постарше отдельно от младенцев и животных, что, собственно, и породило версию о жертвоприношении. Количество останков -20 тысяч за 200 лет- (100 в 1 год) не является экстраординарным, так как в тех условиях жизни младенцы становились жертвами болезней и антисанитарии, и детская смертность была чрезвычайно высокой. **В-четвертых**, если и были обнару-

жены останки младенцев в Тофете Саламбо, часто упоминаемом исследователями, то нужно помнить о месте захоронения, а именно: вблизи торгового порта, где в древних городах обычно располагались публичные дома с продажными женщинами и храмы, служительницы которых исполняли обряды, каковые, по сути, сродни тому, чем занимались путаны. Нужно признать, древний мир, впрочем, как и современный, очень далек от идеалов гуманизма: в давние времена и храмовые жрицы и *las putas* освобождались таким жестоким образом от рожденных вне брака младенцев, так же, как сегодня женщины избавляются от нежелательной беременности, но данный факт никоим образом не связан с обрядом человеческих жертвоприношений. Мой несколько необычный аргумент отчасти подтверждается выводами антропологов из Питсбургского университета, проводивших свои исследования в Тунисе в 2009 году. Американские ученые выяснили, что большая часть останков принадлежала младенцам обоих полов, умерших в течение первого года жизни от двух до пяти месяцев. В докладе исследовательской группы во главе с профессором Джеффри Хью Шварцем (род. в 1948-м г.) также отмечалось, что некоторые фрагменты скелетов столь малы, что могли принадлежать мертворожденным недоношенным детям, либо младенцам, погибшим сразу после рождения. Кроме того, анализ содержимого погребальных урн также отрицает факт возможных массовых детских жертвоприношений, поскольку ни одна из урн не со-

держала фрагментов скелетов, которые могли бы принадлежать более, чем одной особи. Что касается зловещего бога Молоха, описанного Диодором и другими античными историками во всех чудовищных подробностях, такого божества никогда не существовало. Слово MOLEK встречается в Библии, к которой часто обращаются исследователи и пытаются найти (и иногда находят) в ней необходимый им материал. Я намеренно избегаю искать в ней какую-либо информацию, так как не считаю Библию стоящим источником в плане наличия в ней неопровержимых доказательств. Более того, по-моему мнению, она не является историческим или лингвистическим документом, а сведения, зафиксированные в ней, часто носят следы откровенной фальсификации. Примеров тому множество. Один из самых известных: царь библейского Израиля Соломон, согласно еврейским источникам, имел и другие имена, в том числе Итеэль – это искаженное финикийское имя тирского правителя Итобаала, означающее – «Баал с ним» или «близость Баала» (эль – по-арамейски -бог, баал – также бог или владыка). Имя Итобаала числится в списке царей Тира, где он правил в первой половине 9-го века до н. э. Датировка правлений властителей Тира 10—9 в.в. до н.э. основывается на упоминании в одной из надписей о получении в 841-м году до н.э. правителем Ассирии Салманасаром 3 (859—824 г.г. до н.э.) дани от тирского царя Баалезора – сына Итобаала. Тогда как об израильском царстве и его царях нет упоминаний в древ-

них иностранных источниках, кроме как в самой Библии. По этой причине вместо ненужных цитат из Книги я могла бы привести в качестве примеров пунические надписи с встречающимся в них словом MOLCH в составе одной из формул: MOLCH ADAM -«жертвоприношение (совершенное) человеком»; MOLCH BAsAL -«жертвоприношение (в честь) Баала»; MOLCH OMOR -«жертвоприношение ягненка (барана)», из которых явствует, что речь не идет о человеческих жертвоприношениях. В Карфагене, тесно связанном с финикийскими городами, существовал обычай жертвовать божеству стелы с его символами, иногда с надписями. Благодаря найденным в северо-африканских городах стелам с редко встречающимися пуническими надписями, а также финикийским надписям, сейчас известно, что жители Ханаана-Финикии и их родичи пуны приносили в жертву крупный и мелкий скот, пшеницу и другие продукты земледелия. Все это жрецы поедали совместно с жертвователями. Считалось, что в пиршестве принимает участие бог – незримый, но самый главный сотрапезник. С течением времени жрецы разработали точные правила жертвоприношения, – тариф- образец которого сохранился до нашего времени и был найден на юге Франции недалеко от Марселя. На нем записано, какую именно долю жертвы следовало сжечь, а что отдать жрецу, и т. д. Эти жертвы – по-финикийски shelem – означают «мир», «благополучие», отсюда общепринятый перевод слова «мирная» (жертва). Фи-

никийский корень *shlm-* мог иметь и другое семантическое значение -«возместить», с которым связано значение еврейского слова «шалаим» – «жертва возмещения», та жертва, которую принес Авраам вместо своего сына. Семантика слова *shelem* отражает более позднее семитское заимствование из финикийского языка -лингва-франка-, который использовался арамеями, амореями и другими семитскими народами (равно как и финикийский алфавит с письменностью, о чем будет сказано в одной из последующих глав). Но дело в том, что эти лингвистические детали не отражают того главного факта, что карфагеняне, вслед за тирянами, сидонцами и жителями других финикийских городов-государств, не были так религиозны и, тем более фанатичны, как пытались их изобразить летописцы победителей. Финикийцы относились к своим богам очень практично, называя их просто, – господин или владыка: Баал – владыка (господин), Баалат- владычица (госпожа), Мель-карт – царь города и т. д. Помимо этого, они были религиозно-всеядны, как их малоазийские родичи хетто-лувийцы, и спокойно принимали в свой пантеон богов других народов. Так, халдейский бог Бел, по некоторым предположениям, стал Баалом-владыкой, которого карфагеняне представляли с колосьями в руке или в образе быка и отождествляли с «Непобедимым Солнцем». Символы этого бога можно видеть в капители храма Ад-Дэйр (рога), а также на фронте того же храма (диски), на фронтонах скальных гробниц в Хегре и на воротах храма в Ав-

дате и др. (диски). Неизменной парой Баала была богиня Таннит, всегда упоминавшаяся в связке: Таннит-пред-Баалом. По-видимому, Таннит – одно из имен Великой богини, не называвшейся по имени далекими земледельческими предками финикийцев, но чье имя содержалось в самоназвании сидонцев и тирян – бен-Анат. Э. Внук-Лепинский, автор статьи **«Пантеон Карфагена»**, отмечал, что финикийско-карфагенские боги, такие как Эшмун, Астарта и др. имеют восточное происхождение, тогда как **«...проблематичным кажется происхождение Таннит и Баал-Хамона, которые, судя по всему, не связаны с каким-либо определенным культом семитского Востока...»**. Разумеется, не связаны, если, наконец, признать, что в незапамятные времена до вторжения семитских племен на Ближнем Востоке жили многочисленные несемитские народы с собственными обычаями и культом поклонения женскому божеству. В глубокой древности, когда хетто-лувийцы и хананеи-финикийцы были одним народом, пришедшим в Малую Азию, Великую богиню изображали стоящей между бычьими рогами. Изначально смысл изображения был незатейлив: в матриархальном земледельческом обществе царица, она же и главная жрица, первой начинала вспашку поля. Позднее, когда к власти пришли мужчины, главенствующая роль богини сохранилась, но ей был положен муж, часто изображавшийся в виде быка. В результате дифференциации земледельческого общества и выделения жречества как

паразитирующей касты служителей культа народные обряды почитания богини превратились в мистерии оплодотворения Великой Матери, к которым допускались лишь храмовые жрецы и жрицы. Зачастую такие мистерии носили извращенный и оргиастический характер. Во времена войн Александра Македонского в богатых малоазийских храмах, посвященных Великой Матери (уже имевшей имена Ма, Реи, Кибелы), существовали отдельный культ Матери-Владычицы зверей и связанные с ним страшные обряды с участием священных жриц и священных же животных; эти зрелища не для слабонервных можно было посмотреть, заплатив немалое количество серебра, золота и драгоценных камней. По большому счету, все религии и во все времена были лишь способом овладения душ и материальных средств верующих, наивно искавших в религии духовную и нравственную опору. Что касается Таннит, то ее имя было неотделимо от «**знака Таннит**», встречающегося на малочисленных пунических стелах, часто без надписей, а также на финикийских стелах с посвящениями Таннит и Баалу. «**Знак Таннит**» представляет собой трапецию с лежащей на ней перекладиной, имеющей приподнятые заостренные края (рога) и диск, каковые можно наблюдать в капителях и на фронтонах монументальных сооружений в Хегре, Авдате, Петре (Ракме) и др. Пара Таннит-пред-Баалом также фигурирует в храмовых зданиях неизвестных зодчих. Она помещена на пьедестале, расположенном в проеме между не сходя-

щимися концами разорванного фронтона храмов Эль-Хазне и Ад-Дэйр: рога, -знак Баала – несущие вазу-лоно – символ жены-богини. Греки многое позаимствовали у финикийцев, в том числе и мифологию, часто не понимая смысла чужих мифов. Так, один из «древнегреческих» мифов рассказывает: Зевс, прельстившись красотой финикийской принцессы Европы, обернулся быком и похитил девушку. Но эзотерическое значение финикийско-карфагенского мифа изначально было иное: не Зевс, а Баал-«Непобедимое Солнце», не Европа, а Таннит-Богиня плодородия, Земля, и не похитил, а соединился с богиней, и из их соития родилось все живое,"... **как из напитанной влагой земли произрастает колос, когда щедрое солнце наполняет обильные зерна золотом...**» Вот каков смысл необычной архитектуры древних набатейских храмов, созданных неизвестными зодчими.

Мне понадобилось это отступление, чтобы: во-первых, дать пояснение в отношении религии карфагенян, которую ангажированные греко-римские историки извратили и оболгали, проигнорировав здравый смысл и тот факт, что принесение в жертву первенцев противоречило как принципу первородства, так и привилегированности положения сына-первенца; во-вторых, показать, что символы «Непобедимого Солнца» и Богини-Матери, почитавшиеся карфагенянами, и символы солнца и плодородия, запечатленные в архитектуре набатейских монументальных сооружений, – идентичны и подтверждают мое предположение о том, что

карфагенские мигранты вполне могли достичь земли набатеев в 1-ой половине 2-го века до н.э.; построить там города и прекрасные храмы; проложить оросительные каналы, соединявшие огромные резервуары с водой, так что жители, несмотря на засушливый климат, никогда не нуждались в воде. И конечно, опытные в коммерческих делах чужеземцы взяли торговлю в свои руки, а также обучили кочевников письму. До нашего времени сохранились образцы набатейского письма, в основу которого положено финикийское письмо. Итак, быстрый культурный взлет Nabatei и ее бурное экономическое развитие очень напоминало ситуацию в начале 15-го века, когда ослабевшая Византийская империя, едва отбивавшаяся от натиска молодого агрессивного османского государства, эвакуировала своих ученых, философов, архитекторов, художников, инженеров и др. в Италию, обеспечив этой стране небывалый технический и культурный подъем, названный историками Ренессансом.

ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ ОРДЕНА. ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ ВОЛЬНЫХ ПЛЕМЁН В ИСПАНИИ

«Не знать, что случилось до твоего рождения – значит всегда оставаться ребенком – писал в своем сочинении „Оратор“ Марк Туллий Цицерон (106 – 43 г.г. до н.э.) – В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков». Действительно, память народа – удивительная

вещь. Она способна объединить этнос и спасти его от распыления и исчезновения. До тех пор пока в народе живет коллективная память, неразрывно связанная с его самосознанием, этнос не погибнет, несмотря на изгнание, потерю территорий и уничтожение его культуры. Территориальный фактор не всегда значим. Этнические общности евреев, цыган, люти и др., на протяжении веков не имевшие собственных территорий, тем не менее, сохранили все характеристики этноса. Другие народы, находясь на своих исторических землях, подвергались культурному и религиозному геноциду. Так, греки со времен завоевания греческих средневековых королевств турками-османами не переставали бороться со своими мучителями, умудрившись сохранить язык, культуру и христианскую веру среди мусульман-оккупантов. Почти 500 лет продолжалась их борьба и закончилась образованием независимой Греции в 1830-м году. Похожие истории у сербов, хорватов, словен и македонцев. Это признанный официальной исторической наукой факт. И странным кажется радикализм ученых, утверждающих, что такой-то народ вымер, потому что язык, на котором в древности говорили его носители, ныне мертв. Это противоречит фактам. Латынь, действительно, больше не употребляется в повседневном обиходе, но римляне как этническая общность выжили и стали итальянцами, использовав топоним «Италия» для самоназвания. Вместе с тем, они, отказавшись от архаической латыни и взяв лишь ее материнскую основу, создали

итальянский язык. Скорее всего, для этноса значимы биологическое и социальное наследование. В первом случае это наследство генетической программы, заложенной в хромосомах, во втором – передача культуры, или преемственность. В силу сложившихся условий, карфагеняне утратили многое из того, что делало их этнической общностью: землю, где на протяжении более шести веков жили их предки; культуру, религию, самоназвание, поскольку беженцы вынуждены были скрывать свою этническую принадлежность. Трагедия целого народа заключалась в том, что римляне, уничтожив государство Карфаген, обрекли его народ на рассеяние и исчезновение. И этот трагический факт определил дальнейшую судьбу и мотивы поведения пунов, их ненависть, помноженную на горечь невозполнимых потерь, и жажду мести, передаваемые из поколения в поколение. Все это верно, как то, что римляне, потерпев поражения от карфагенян при Треббии, на Трапезундском озере и грандиозный разгром при Каннах не забыли и не простили Ганнибалу Барке позор и унижение от проигранных ими битв. И отомстили Карфагену, уничтожив его. Карфагеняне, избежавшие смерти и плена, нашедшие убежище у своих родственников и сородичей по обоим берегам и на островах Средиземного моря, начали тайно мстить Риму, используя любое недовольство подневольных народов римской властью. Очевидно, как показали дальнейшие события, была создана тайная организация во главе с Координационным Центром, задачей кото-

рого было планирование, организация а также координирование актов неповиновения и сопротивления римским властям. Общая беда уравнила всех, нивелировав социальное неравенство, а посему к работе в этой организации (ордене), по-видимому, привлекались люди разного социального происхождения и общественного положения, различного возраста, также и пола. Но всех их объединяли ненависть к Риму, жажда мести и надежда, в конечном счете, на победу. Несмотря на полное отсутствие каких-либо письменных источников, что неудивительно, учитывая сверхсекретный характер ордена, следы его деятельности можно обнаружить по той активности, с какой повели борьбу с римскими оккупантами народы, жившие на землях бывших карфагенских колоний. В 149-м году до н.э., с началом осады Карфагена, в Дальней Испании (Лузитания) было организовано восстание туземных племен с целью оттянуть силы римлян от стен Карфагена – это косвенное подтверждение тому, что из пунийской столицы уже эвакуировались люди, способные не только спланировать и организовать восстание, но и оплатить его в должной мере. Еще со времен 2-ой Пунической войны свободолюбивые племена лузитанов и кельтиберов, населявшие территорию Пиренейского полуострова, воевали на стороне Карфагена. Но Ганнибал проиграл свою войну, и полуостров оккупировали римляне, поступавшие с вольными иберийцами так же, как и с жителями других покоренных земель, – грабя, убивая и продавая в рабство сво-

бодных обитателей полуострова. Это вызвало недовольство среди свободолюбивых племен и вылилось в несколько мятежей, описанных Аппианом Александрийский в его многотомном сочинении **«История Рима»**, в книге **«Иберийские войны»**. В середине 50-х г.г. 2-го века до н.э. на территорию Дальней Испании, подчиненную Риму, вторглись луситаны под предводительством Пуника. К ним присоединились веттоны, и объединенная армия двинулась к средиземноморскому побережью, населенному бластофиникийцами, оставленными там еще Ганнибалом. Армии римских преторов, выступившие им навстречу, были разбиты и потеряли почти половину личного состава. В 152-м году до н.э. претор Марк Атилий (? -? г.г. до н.э.) заключил с повстанцами мирный договор, повествовал Аппиан, но на следующий год война возобновилась с прежним накалом, и новому претору Сервию Сульпицию Гальбе (191—137 г.г. до н.э.), разбитому в Алентехо, пришлось обращаться за помощью к консулу Луцию Лицинию Лукуллу (? – после 142 г.г. до н.э.) скандально известному предательским захватом ваккейского городка Кауки и поголовным истреблением его жителей. (Под началом Лукулла тогда служил легатом Публий Корнелий Сципион Эмилиан). Римские войска ударили с двух сторон, нанесли поражение иберийским племенам, заставив их запросить мира и восстановить мирный договор, заключенный Атилием. Римские военачальники на это согласились, но как после оказалось, Гальба подготовил доверчивым

варварам такую предательскую ловушку, что даже античные авторы, относившиеся показательно сочувственно к римлянам, порицали его за этот обман. Аппиан сообщал о том, что Гальба не только согласился восстановить старый договор, но и притворно пообещал землю нуждавшимся в ней лузитанам. Будто бы для переселения на плодородные земли он **«...разделил их на три части и, указав каждой из этих частей долину, велел ждать его... Он наказал им, как друзьям, сложить оружие, – рассказывает автор – а когда они сложили оружие,... приказал своим воинам всех убить.»** Немногим удалось бежать, и среди них был пастух Вириат, возглавивший восставших лузитанов в 149-м году до н. э. Луций Анней Флор (70 -140 г.г.) называл его Ромулом Испании. Этот удивительный «пастух», владевший навыками опытного военачальника, своей манерой ведения боя очень напоминал Пуника, будто бы погибшего тремя годами ранее от удара камнем, или Кайсара, сменившего Пуника и бывшего копией предыдущего. Впрочем, эти загадки и слухи вокруг имени лузитанского вождя-пастуха лишь добавляли притягательности и создавали ему образ бессмертного героя. Вириат стал символом свободы и предводителем еще одного восстания, на этот раз инициированного карфагенским Координационным Центром. Поначалу казавшийся стихийным мятеж перерос в «лузитанская война», продолжавшуюся почти 10 лет и изменившую римский календарь. Античные авторы сообщали о том, что лузитаны одержали

ряд значительных побед, поэтому римляне отправили туда крупные подкрепления, а новым консулам-главнокомандующим разрешалось вступать в эту должность не 15-го марта, как прежде, а 1-го января, – с того времени этот день и считается началом года. Аппиан Александрийский в своем сочинении повествует: **«Вириат вел столь успешную партизанскую войну, что для усмирения восставших Римская республика направила два легиона под командованием претора Гая Ветилия (? -147 г.г.до н.э.)»**. Но повстанцы избегали открытого боя с римскими войсками, предпочитая партизанскую тактику, обеспечивавшую им успех. **«Если в сражении перевес оказывался на стороне противника, они (лузитаны) отступали, вынуждая врага преследовать их – пишет Аппиан в „Иберийских войнах“– Когда же во время преследования вражеский строй распадался, они нападали на него и одерживали в конце концов победу»**. В 147-м году до н.э. восставшие разгромили нескольких римских полководцев, в том числе Гая Ветилия, армия которого потерпела поражение в горах у Треболы, а сам он погиб в бою. После разрушения Карфагена и уничтожения пунического государства в 146-м году до н.э. лузитанские повстанцы не прекратили борьбу и продолжали наносить ощутимые удары римлянам до тех пор, пока в 142-м году до н. э. Вириат, пользуясь огромной популярностью среди своих соплеменников, не объявил себя царем и подписал с римлянами мирный до-

говор. Этому предшествовали успешные военные действия лузитанов. Согласно Аппиану, Вириат окружил в горах войско полководца Квинта Фабия Максима Сервилиана (? – после 140 г.г.до н.э.) и заставил его подписать договор, по которому **«...Вириат объявляется другом римского народа, а все бывшие с ним владеют той землей, которая в данный момент у них в руках»**. Рим признал Вириата царем и наградил его титулом «друга римского народа». По-видимому, такое решение предводителя лузитанов шло вразрез с целями карфагенского Координационного Центра, и КЦ (КЦ – Координационный Центр; я и дальше буду использовать эту аббревиатуру) лишил Вириата своей поддержки, что (отчасти) привело к гибели лузитанского вождя и подавлению восстания. Ревностный почитатель Рима Теодор Моммзен, оправдывавший римскую экспансию и утверждавший, что **«...римская политика вовсе не была завоевательной по принципу...»**, вынужден был признать: **„...вообще, в этой войне римляне действовали в открытом поле столь неудачно и бесславно, а в сношениях с противниками так вероломно и бессовестно, как никогда...“** В 139-м году до н.э. консул Квиний Сервилиий Цепион (ок.183-после 135 г.г.до н.э.) и претор Марк Помпилий, нарушив мирный договор, коварно нанесли поражение Вириату, а затем подкупили приближенных к нему лиц. По сообщению Аппиана, самые верные друзья вождя Авдак, Диталкон и Минур **„...подкупленные Цепионом**

большими подарками и многими обещаниями, уговорились с ним убить Вириата... Авдак и его сторонники подстерегли благоприятный момент, когда он только заснул, вошли к нему в палатку... и убили его". По преданию, когда убийцы Вириата явились за своей наградой, Сервилий Цепион ответил им фразой, ставшей крылатой: „Рим предателям не платит“ – (**Roma traditoribus non premia**). Между тем, за два года до смерти Вириата, в 141-м году до н.э., Координационный Центр подготовил следующее выступление свободных племен, и в Ближней Испании, как говорится в официальных источниках, „вспыхнуло восстание“ кельтиберов. Это заезженное словосочетание часто встречается в работах многих историков и в учебных пособиях по истории. Если восстание, то непременно – вспыхнуло, если борьба, то – классовая. Восстание само по себе никогда не „вспыхнет“, его нужно подготовить и обеспечить, как принято говорить сегодня, информационной и материальной поддержкой, иначе, не имея стратегической цели, выступление масс останется всего лишь стихийным бунтом, и будет ликвидировано государственной машиной в короткие сроки. Как уже говорилось, после заключения мирного договора между римлянами и лузитанским вождем в 142-м году до н. э. КЦ, заинтересованный в продолжении борьбы с римским господством, перестал оказывать информационно-материальную помощь лузитанам и переключил свое внимание на другой вольный народ – кельтиберов, которых

удалось поднять на восстание против Рима. В греко-римских источниках это восстание с центром в городе Нуманция (исчезнувшее поселение в испанской провинции Соррия) освещено очень скудно, несмотря на то, что „нумантинская война“ перманентно продолжалась больше восьми лет. В 137-м году до н.э. попавший в окружение римский консул Гай Гостилий Манцин (? -ок.136 г.г.до н.э.) – при участии знаменитого Тиберия Семпрония Гракха (163—133 г.г. до н.э.) – подписал позорный для римлян мир с нумантинцами, требовавшими от римлян признания своей независимости. Плутарх, автор сочинения „Сравнительные жизнеописания“, в главе о Тиберии Гракхе повествует: „**Римское войско, в котором к этому времени распущенность и упадок дисциплины достигли небывалых размеров, принуждено было поспешно снять осаду, а затем было окружено араваками и купило себе спасение весьма невыгодным миром, в утверждении которого поручились все высшие офицеры...**“ Но сенат не утвердил этот договор. В знак своего несогласия с условиями заключенного „нумантинского мира“ римский сенат отправил к нумантинцам виновника договора Манцина. Об этом Плутарх написал следующее: „...сенат... выдал не всех виновников, а одного консула Манцина, не более других виновного, но не имевшего знатной родни. Манцин был приведен к воротам Нуманции в жалком рубище со связанными руками и в таком виде простоял

целый день, потому что нумантинцы не приняли его.“ Война с нумантинцами возобновилась и продолжалась еще несколько лет. И только в 133-м году до н.э. победитель Карфагена Сципион Эмилиан сумел захватить мятежную Нуманцию измором после пятнадцатипяти месячной осады. Аппиан Александрийский в упомянутом томе „**Иберийские войны**“ описал финал этой войны: „**В Риме народ был не доволен нумантийской войной, оказавшейся для него столь долгой и неудачной. Поэтому римляне выбрали второй раз консулом Корнелия Сципиона, взявшего Карфаген**“. В распоряжении Сципиона находилось 60 тысяч человек и, имея слонов, а равно и нумидийскую конницу под началом царя Югурты (160—104 г.г. до н.э.), Сципион деятельно принялся за осаду Нуманции. Хосе И. Лаго в своем очерке „**Нуманция – символ независимости Испании**“ приводит интересный исторический факт. Среди добровольцев, следовавших за Сципионом Эмилианом, было 500 человек родственников, друзей и клиентов консула, которых он сгруппировал в специальную когорту для его персональной свиты. Местом расположения командного пункта выбрали местечко, называвшееся Pretorio, а эту когорту переименовали в cohorte Pretoriana. Название прижилось, и через полтора столетия элитное военное подразделение при римских императорах называлось Преторианской гвардией. Как полагают Цезарео Перес Гонсалес и его коллега Эмилио Гомес, авторы статьи „**Римская военная**

археология“, Сципион изначально планировал взять город измором, перекрыв доступ в Нуманцию провизии и оружия, доставлявшиеся туда по реке Дорий (совр. Дуэро). Для этого римляне построили по обе стороны реки башни, точно расположенные одна против другой. Между ними протянули закрепленные канатами длинные бревна, утыканные лезвиями мечей и дротиками (стимулы), что исключало провоз лодок и плотов. Город был полностью изолирован, и Сципиону оставалось только ждать, когда ослабевшие от голода жители сдадут Нуманцию. Аппиан сообщает, что одному из аревакских вождей по имени Ретоген удалось вместе с пятью воинами и пятью слугами пробраться под покровом ночи сквозь римские заслоны. Ретоген обратился за помощью к другим городам с призывом поднять антиримское восстание, но на его зов откликнулись лишь жители маленького городка Лутий. Городские старшины поспешили донести Сципиону на своих сограждан, и римляне тотчас заняли Лутий, а Сципион приказал старшинам выдать 400 молодых воинов, которым римляне отрубили правую руку. Нуманция осталась без поддержки один на один с превосходящим числом противником. **„Столь велика была любовь к свободе и человеческому достоинству в этом варварском и небольшом городе. – пишет Аппиан – Хотя во время мира их было всего восемь тысяч, сколько и сколь жестоких поражений не нанесли они только римлянам. Многие из них добровольно сами на себя нало-**

жили руки различными способами, и лишь горстка голодных оборванцев на третий день после этого вышли из города“. Сципион, умудренный опытом карфагенской военной кампании тринадцатилетней давности, отлично знал, кто подбивал кельтов-ареваков на борьбу с римлянами, оказывал аревакам помощь продовольствием, а также вооружал их на протяжении восьми лет, поэтому он приказал сжечь и сровнять город с землей, и этот не санкционированный римским сенатом акт был его посланием невидимому врагу. В 129 году до н.э."...**Сципион Эмилиан Африканский** – пишет римский историк Гай Веллей Патеркул — **был однажды утром найден со следами удушения на лице. Умер он почти в 56 лет.**» Расследования не было. Почему? Веллей не дает на этот счет никаких объяснений, лишь сообщает, что у победителя пунов не оказалось в доме богатств, только небольшая сумма денег. Внезапная смерть знаменитого римлянина породила множество слухов, среди которых были неубедительные версии о тяжелой болезни, о самоубийстве и экстравагантная версия об отравлении Сципиона женой и тещей. Впрочем, близкие Сципиону люди тотчас отмели их как несостоятельные, так как, утверждали они, накануне трибун был здоров; рядом с телом лежала навошенная дощечка, на которой должен был появиться конспект речи в народном собрании. К версии об отравлении никто серьезно не отнесся. Наконец, Аппиан настаивал на том, что Сципиона Эмилиана Африканского задуши-

ли какие-то иноземцы, проникшие в дом ночью. В любом случае, те, кто хотел расправиться с победителем Карфагена, сделали это.

ГЛАВА 4. РАБСКИЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Очевидность такова: едва восставшие лузитаны Дальней Испании, устав от долгих баталий, заключили перемирие с римлянами (142-й год до н.э.), тотчас в Ближней Испании, словно подхватив эстафету борьбы, кельтиберы-ареваки начали следующее восстание (141-й год до н.э.). Вероятно, КЦ, оценив возможности свободных иберийских племен, пришел к выводу: несмотря на ожесточенное сопротивление и храбрость иберийцев, их борьба неэффективна: во-первых, из-за малочисленности жителей (Нуманцию во время пятнадцатилетней осады удерживало около 4-х тысяч горожан, способных носить оружие, против шестидесяти тысячной римской армии); во-вторых, борьба обитателей удаленной от Рима Испании-Иберии, не могла нанести Республике ощутимый вред. Вот почему сразу после заключения нумантинцами мирного договора с Манцином в 137-м году до н.э. таинственная организация перенесла свою деятельность на территорию бывшей карфагенской колонии – остров Сицилию, к тому времени ставшую провинцией Римской республики и ее житницей, где использовался труд многочисленных рабов в огромных сельскохозяйственных владениях. (Впрочем, КЦ продолжал оказывать поддержку нумантинцам вплоть до начала осады Ну-

манции Сципионом Эмилианом в 134-м году до н.э.). На Сицилии Координационный Центр начал подготовку следующего восстания, отличавшегося от предыдущих двух стратегическими целями и тактикой. Все историки Нового времени отмечали, что во 2-ой половине 2-го века до н.э. заметно участились заговоры и восстания. Как правило, причину этих всплесков недовольства подневольного римлянам населения видели в огромном наплыве в римские провинции дешевых рабов – военной добычи, и, как следствие – жесточайшей эксплуатации рабского труда. Три наиболее крупных восстания рабов времен Римской республики античные историки называли **«три рабскими войнами»**, бессознательно, или осознанно, объединив их. В историографии данные события известны как 1-е сицилийское восстание (136—132 г.г. до н.э.), 2-е сицилийское восстание (104—101 г.г. до н.э.) и восстание под предводительством Спартака (73—71 г.г. до н.э.).

«Первая рабская война»

1-е сицилийское восстание, или **«первую рабскую войну»**, Диодор Сицилийский описал в сочинении **«Историческая библиотека»**. По мнению автора, основной причиной восстания была чрезмерная жестокость в обращении с рабами. Вот что он писал: **«Каждый из крупных земельных собственников покупал для обработки земли целые толпы рабов. Поэтому такое количество их затопило всю Сицилию, что слышавшие об этом не ве-**

рили и считали это преувеличением. Те из сицилийцев, которые приобрели большие богатства, соперничали с италийцами в высокомерии, жадности и злобе к рабам. Пускаясь на мелкий обман, те, у которых было большое количество рабов, держали пастухов, но не кормили их, а предоставляли им жить грабежом.» «При такой свободе, данной людям, которые по своей силе могли совершить все, что решили, людям вольным и праздным, принужденным вследствие недостатка питания заниматься различными рискованными делами, – при таких обстоятельствах скоро начали увеличиваться разного рода бесчинства.» «Сицилия ночью перестала быть доступной для путешественников, и исчезла всякая безопасность для местных жителей. Весь остров был полон насилий, грабежей и убийств. Естественно, что пастухи, проводящие жизнь в поле и вооруженные, были все исполнены высокомерия и дерзости. Одетые в шкуры волков и кабанов, они имели почти воинственный и устрашающий вид. За каждым следовала свора резвых собак; большое количество пищи – мяса и молока – делало дикими их души и тела.» Судя по приведенному тексту, «чрезмерная жестокость» и злоба крупных земельных собственников-рабовладельцев заключалась в их нежелании проявлять заботу о пище и одежде своих рабов, предоставляя им добывать все необходимое собствен-

ными силами. Автор также утверждает: рабы, бывшие пастухами, жили **«вольными и праздными»**, были предоставлены сами себе, имели **«большое количество пищи – мяса и молока-»** и от избытка свободного времени занимались грабежами. Единственное, чего им не хватало, – вожака, который организовал бы их в банду. И им нашли главаря. Дальнейшие события Диодор добросовестно излагает так: **„Был один сириец, родом из Апалии, раб Антигена из города Энны, своего рода маг и чародей. Он хвастался, что может по указанию богов, данному ему во сне, предсказывать будущее, и, благодаря своей ловкости, обманул таким образом многих... Ещё до восстания он говорил, что Сирийская богиня (богиня Астарта) является ему и предсказывает, что он будет царем.“** „...Рабы Дамофила сговорились восстать и убить господ. Придя к Евну, они спросили его, дают ли боги согласие на задуманный план. Он с обычными своими фокусами (выдуванием огня) заявил, что боги согласны, и убеждал рабов тотчас же приняться за дело.“ **„Собрав 400 сотоварищей по рабству, они, как только наступил благоприятный момент, вооружились и вторглись в Энну под предводительством изрыгающего огонь Евна.“** „...К ворвавшимся в Энну рабам присоединилось большое количество городских рабов, которые расправились сначала со своими господами, затем приняли участие в общей рез-

не.“ В отличие от сильной харизматической личности Вириата и храбрых нумантинских вождей свободных кельтов-арваков, сириец Евн – раб, но вдобавок он – маг-фокусник и жрец. По мнению инициаторов **„первой рабской войны“**, только такой человек мог возглавить рабов-сирийцев и сикулов, поклонявшихся Сирийской богине. Чтобы перестраховаться на случай, если кто-нибудь из рабов не поверит в исключительность мага, среди невольников распространили слухи о покровительствующей Евну богине, отсюда и утверждение Евна о том, что явившаяся ему во сне Астарта предсказала ему роль царя. Нет сомнения в том, что план восстания тщательно разрабатывался, подготавливался и сохранялся в тайне до последнего момента, иначе кто-нибудь из рабов, надеясь на милость хозяев, предал бы своих товарищей, как это часто бывало прежде (например, несостоявшиеся заговоры рабов в Риме в 198-м году до н.э. и в 196-м году до н.э.). И только после того, **„как наступил благоприятный момент“**, т.е. когда оповестили рабов в других районах и дали приказ (а также провожатых, так как большинство невольников были иностранцами и не знали местности) всем идти в Энну, рабы получили оружие и под предводительством мага двинулись на город. Заняв Энну, восставшие избрали своим царем Евна. Бывший маг и чародей принял имя Антиох, созвал народное собрание, где образовавшееся государство назвали Новосирийским. Высшим органом управления был учрежден совет. О нем Дио-

дор пишет: „... Членами совета Евн назначил людей, которые казались наиболее выдающимися по уму. Среди них особенно отличался своей сметливостью и мужеством Ахей из Ахайи. В 3 дня он вооружил более шести тысяч человек топорами, секирами, пращами, серпами, обожжёнными палками, поварскими вертелами и прошел по всей Сицилии, предавая все разграблению. Присоединив к себе огромное количество рабов, он осмелился вступить в борьбу с римскими военачальниками и часто одерживал над ними верх, благодаря численному превосходству, т.к. имел в своем распоряжении более десяти тысяч вооруженных людей.“ Диодор не упоминает других членов совета, кроме Ахея, и остается предположить, что одним из советников царя-марионетки был эмиссар (или несколько человек) Координационного Центра, направлявшего все действия мятежников. Иначе ничем невозможно объяснить оперативность, с какой собрали и вооружили отряд из шести тысяч человек, увеличивавшийся по пути из Энны оповещенными рабами и ждавшими его появления. Как следует из сообщения Диодора, одновременно с восстанием в Энне в другом конце острова также началось выступление рабов: „В это время некий киликиец Клеон (бывший пират) поднял другое восстание рабов, и создалась крупная организация их... Он напал на город Агригент и на всю ближайшую область... Все были полны надежд, что вос-

ставшие начнут междоусобную войну и истребят друг друга, освободят Сицилию от мятежа, но они против ожидания объединились. Клеон, имевший у себя пять тысяч бойцов, добровольно отдался под власть Евна, тем самым как бы пополнив недостаток царя в полководцах.“ Если бы эти два восстания возникли отдельно друг от друга без общего руководства, так и случилось: два вождя со временем вступили бы в конфликт. Но план скрыто действующих инициаторов мятежа состоял в том, чтобы поднять восстание в нескольких районах острова, и, объединив восставших, разорить огромные хозяйства-латифундии сицилийских рабовладельцев, тем самым нанеся существенный урон Риму, так как провинция Сицилия поставляла в Республику зерно, производством которого стали пренебрегать на материке. Хозяйства мелких свободных землевладельцев восставшие не трогали, таким образом сохраняя производственные возможности острова. Координационный Центр не ставил перед собой цели уничтожения римского владычества. Рим обладал пока еще несокрушимой мощью, и время его ещё не пришло. Поэтому когда цель „**первой рабской войны**“ была достигнута, – восстание нанесло огромный ущерб сельскому хозяйству, и поставки сельскохозяйственной продукции в Рим были сорваны, – координаторы восстания свернули свою деятельность, предоставив рабов и их главарей их судьбе. Клеон погиб, защищая Энну, Евна взяли в плен, и он умер в тюрьме. Об Ахее и дру-

гих людях, „**которые казались наиболее выдающимися по уму**“, ничего не известно. Ахей, вероятно, был более осведомленным, чем остальные, а потому бесследно исчез. А может быть, он оказался среди тех спутников Евна, которые, по словам Диодора, „**...понимая ожидавшую их неизбежную участь, перерезали друг друга мечами.**» Все имена предводителей, упоминаемые Диодором, – греческие, но не факт, что они были настоящими. Диодор не приводит конкретных цифр погибших повстанцев, и вполне возможно, многим из них удалось спастись, затаиться и выступить в следующем восстании под другими именами.

«Вторая рабская война»

«Вторая рабская война», или 2-е сицилийское восстание, произошла в 104—100 г.г. до н.э., начавшись со стихийного выступления рабов. Как и 32 года назад, инициаторы 2-го сицилийского восстания остались за кадром. Они воспользовались ситуацией и взяли ее под контроль, превратив стихийные выступления рабов в очередное координированное восстание. Сценарий восстания был приблизительно тот же, но причины, «предпосылки», иные. Поводом к стихийному выступлению рабов стало прекращение устроенной Сенатом проверки, сопровождавшейся освобождением части рабов. Командующий римской армией Гай Марий (157—86 г.г. до н.э) нуждался в солдатах, так как в то время шла Кимврская война (113—101 г.г. до н.э.), вследствие чего получил от Сената полномочия потребовать от за-

морских союзников Рима предоставления вспомогательных войск для участия в войне с кимврами и тевтонами. Однако, в ответ на его требования вифинский царь Никомед 3 (? -74 г. до н.э.) без обиняков заявил, что не может послать соответствующий воинский контингент, ибо страна его обезлюдела из-за похищений людей, – в чем были виновны римские откупщики, – и большинство способных носить оружие жителей Вифинии проживает теперь в качестве рабов в различных провинциях Рима. Римский Сенат приказал наместникам провинций освободить всех жертв незаконных похищений. В Сицилии за выполнение сенатского эдикта взялся претор Лициний Нерва. Для начала он приступил к расследованию всех обстоятельств, и уже через несколько дней на свободу было отпущено более 800 рабов, а всех похищенных, содержащихся в сицилийских эргастулах, охватила радость. Однако, вскоре под давлением крупных землевладельцев, запуганный или подкупленный, Нерва прекратил проверку. О последующих событиях повествует все тот же Диодор Сицилийский. В ожидании освобождения множество рабов собралось в Сиракузы, но претор разругал и отправил их к хозяевам. Рабы покинули Сиракузы, но, возмущенные такой несправедливостью, решили не возвращаться во владения своих господ. Первый акт пока еще стихийного выступления произошел на крайнем западе острова, неподалеку от города Галикии в большом поместье. Там 30 невольников убили своих хозяев. После этого они освободили товари-

щей из соседних поместий. Затем, уже 120 человек, заняли хорошо укрепленное самой природой место, где к ним присоединились ещё 80 человек (из тех, что покинули Сиракузы и не вернулись к хозяевам). Претор Нерва, рассказывает Диодор, осадил лагерь бунтовщиков, хитростью и обманом ему удалось уничтожить всех мятежников: часть их была побита, многие же разбились о камни, бросившись с высокого обрыва. Но следующие беспорядки, возникшие на юго-западе недалеко от Энны, носят более организованный и целенаправленный характер. Сначала 80 рабов римского всадника Публия Клония убили своего хозяина в его имении. Диодор не объясняет, как число взбунтовавшихся рабов разрослось до 2000. Но это произошло, и из гарнизона Энны, размещенного там сразу же после **«первой рабской войны»**, претор выделил 600 человек. По-видимому, план восстания начал приводиться в действие, организационная машина заработала, для управления неорганизованной массой направили людей, знающих свое дело. И результат не заставил себя долго ждать – посланный претором отряд был разбит, а оружие захвачено. В считанные дни отряд восставших пополнился вооруженными рабами, достигнув более 5000 человек. Последующие события разворачивались по сценарию, отработанному в прошлом восстании 136-го года до н. э. На общем собрании восставшие избрали совет и провозгласили царем раба Сальвия, бывшего, как когда-то Евн, гадателем и магом. Став царем, Сальвий взял имя Трифон. Во время **«вто-**

рой рабской войны» была применена иная тактика. Все войско восставших Сальвий-Трифон поделил на три части, во главе каждого из трех отрядов стоял «особый» начальник (что автор подразумевал под словом «особый» непонятно, — если опытный, то интересно знать, откуда среди рабов сирийцев и похищенных асийцев отыскивались опытные военачальники). Каждому отряду приказали делать глубокие рейды-набеги по всей Сицилии и после них встречаться каждый раз в определенном месте в одно и то же время, а также отбивать у врага лошадей. По всей видимости, проанализировав все недочеты, допущенные в **«первой рабской войне»**, инициаторы восстания разработали новые элементы и внесли их в новую тактику. И она себя оправдала: образовалась конница более чем в 2 тысячи всадников, сообщает Диодор, а пехота выросла до 20 тысяч обученных бойцов. В то же время в западной части острова возник второй очаг восстания. Как повествует автор **«Исторической библиотеки»**, **«Управляющим одного из имений в области Лилибея был раб, киликиец Афинион. Он поднял на восстание 200 рабов, находившихся под его начальством. К ним присоединились другие, так что в течение пяти дней вокруг Афиниона собралось более одной тысячи человек, которые провозгласили его царем»**. Афинион, по словам Диодора, пошел по новому пути. Комплектуя свое войско, он зачислял в него не всех без разбора, а только годных к военному делу. Другим рабам Афинион приказывал

оставаться на работе в старых хозяйствах, соблюдая полный порядок. Эти бывшие рабовладельческие хозяйства, сделавшиеся теперь свободными, должны были снабжать войско рабов продовольствием и вооружением. Афинион заявил рабам, будто боги возвестили ему посредством звезд (Афинион имел репутацию звездочета), он станет царем всей Сицилии, и что поэтому необходимо беречь страну и находящиеся в ней богатства (что шло вразрез с целями инициаторов восстания). Когда у Афиниона собралось войско в десять тысяч человек, он сделал попытку осадить Лилибею, но потерпел неудачу и снял осаду. И снова, как во время **«первой рабской войны»**, надежды рабовладельцев на ссору между вождами не оправдались. Афинион признал Трифона царем, а себя – главнокомандующим. Все же, по-видимому, Афиниону не до конца доверяли." **...Трифон, заподозрив Афиниона в заговоре, приказал его арестовать»** – говорится у Диодора. Но когда римляне начали наступление крупными силами, он (Трифон) освободил Афиниона. Столицей государства рабы избрали Триокалу – «Трижды прекрасную». Диодор утверждает, что город получил такое название, благодаря трем своим качествам: прекрасной воде, плодородной почве и неприступному положению. Этот город, находившийся в юго-западной части острова, к северу от Гераклеи, по словам автора, **"...и без того почти неприступный, благодаря своему природному положению, представляя собою как бы огромную неприступную**

скалу, был сильно укреплен Трифоном оборонительными сооружениями».

Ряд антиковедов считает, что автор продублировал эти два восстания, потому что некоторые детали сюжета, а также предводители и род их деятельности сходны. Полагаю, это потому, что задумывались и организовывались оба выступления рабов в одном месте – в Координационном Центре. Члены ордена, так же как и их лидеры в КЦ, со временем менялись. Одни умирали от старости или в результате несчастных случаев, или во время военных вылазок, другие, молодые, приходили на место ушедших. Жажда мести за поруганную и уничтоженную римскими завоевателями родину, надежда на реванш и ожидание часа расплаты передавались из поколения в поколение, и преемственность, таким образом, сохранялась. Разумеется, новые лидеры привносили свежие идеи, и каждое последующее восстание отличалось от предыдущего. Так, во 2-м восстании была изменена тактика действий повстанцев. Предводители восставших, – и в первом, и во втором случае – действительно, подобны. Но их похожие кандидатуры были выбраны преднамеренно, потому что рабы, люди набожные, склонные к религиозному мистицизму, безоговорочно верили жрецам-магам, посвященным в божественные тайны. Вследствие этого, инициаторы восстания, отлично изучив религиозные вкусы рабов и свободных земледельцев, поклонявшихся Астарте, избрали лидерами, в первом случае – предсказателя-фокусни-

ка, умевшего изрыгать огонь, во втором – гаруспика, гада-теля по внутренностям животных. Им предназначалась роль царей, при которых действовали советы, о чем сообщал Диодор. Странно, что, говоря о совете, автор не поинтересовался, откуда рабам, занятым в сельскохозяйственных работах, было известно назначение совета, его обязанности, механизм работы и т. д. Здесь уместно упомянуть о том, что Диодор Сицилийский пользовался сочинением другого автора, древнегреческого философа-стоика и историка Посидония (135—51 г.г.до н.э.), работы которого дошли до нашего времени во фрагментах. Посидоний был современником **«второй рабской войны»**, но неизвестно, являлся ли он очевидцем событий, как Полибий. По крайней мере, Диодор не упоминает о пребывании Посидония на острове во время масовых выступлений рабов. По-видимому, снова имеет место пересказ событий со слов неизвестных лиц. Для меня остается загадкой, как умные, хорошо образованные по тем временам, люди, обладавшие навыками риторики и логики, оставались в неведении и не понимали (или сознательно отрицали очевидность), **что** на самом деле происходило, и верили всему рассказанному, не подвергая это сомнению и не задавая вопросов. Например, как невольники, не имея современных средств связи и оповещения, узнавали о факте и месте восстания, и, что самое удивительное, – будучи чужаками, попавшими в рабство на остров и жившими взаперти, после самовольного побега уверенно направлялись в то место,

где собирались повстанцы? Где они брали оружие, кто обучал их военному делу и т.д.? Возникает множество вопросов, а если попытаться на них ответить, вырисовывается четкая картина продуманных и организованных действий, управляемых из одного места – Координационного Центра, скрытого от посторонних глаз. Чего добивались заговорщики? Их цель ясно просматривается в результате: используя массы возмущенных рабов, нарушить производство сельскохозяйственной продукции и этим вызвать хаос в аграрном секторе, а затем и в общем укладе жизни в провинции, что подтверждал Диодор: **«...Общее расстройство жизни привело к прекращению действий римских судов, что, в свою очередь, увеличило анархию в стране.»** Хаос в сельском хозяйстве и массовые беспорядки в провинции отбирали достаточно много материальных и человеческих ресурсов у Римской республики, направлявшей все свои силы на шедшую в то время Кимврскую войну. Это и требовалось заговорщикам. Наконец, в 100-м году до н.э. после окончания войны с кимврами 2-е сицилийское восстание было подавлено консулом Манием Аквилием (? -88 г.г.до н.э.), убившим Афиниона в поединке. Трифон незадолго до этого умер от болезни. Остатки рабов, сдавшихся на милость римскому консулу, отправили в Италию в гладиаторскую школу.

«Третья рабская война»

За четверть века между второй и третьей рабскими войнами над Италией опустошительным смерчем пронесли вос-

стание италиков, или так называемая Союзническая война (91—88 г.г. до н.э.), и гражданская война (83—82 г.г. до н.э.) между Гаем Марием и Суллой (138—78 г.г. до н.э.). Даже после восстановления власти Сената в результате победы Суллы над марианцами 1 ноября 82-го года до н.э. у Коллинских ворот правительству так и не удалось навести порядок в южных римских провинциях. Следующей попыткой подорвать могущество Рима было инициированное карфагенским Координационным Центром восстание рабов под предводительством Спартака в 73—71 г.г. до н.э., названное античными историками **«третьей рабской войной»** и поставленное ими в один ряд с предыдущими рабскими войнами на Сицилии. Это восстание замечательно тем, что впервые со времен 2-й Пунической войны, действия **«третьей рабской войны»** были перенесены в Италию, где уже давно жили агенты-соглядатаи КЦ, сообщавшие своему руководству обо всех событиях в Римской республике. О том, что **«третья рабская война»** являлась продолжением двух сицилийских войн, планировалась и координировалась с острова, говорит такой факт. После подавления восстания рабов и неустановленной смерти Спартака Марк Туллий Цицерон в своей речи в Сенате, обвиняя сицилийского наместника Гая Верреса (119—43 г.г. до н.э.) во взяточничестве и злоупотреблениях, указывал на то, что все следы мятежа вели на Сицилию. Поэтому можно предположить, что часть членов ордена и руководителей КЦ перебралась на материк

для организации восстания на местах, остальные оказывали коллегам материальную поддержку с острова, действуя, как всегда, через подставных лиц. Но стратегические цели и тактика Координационного Центра оставались прежними: нанести как можно больше материального урона Республике, тем самым приближая ее падение; действовать по обстоятельствам, используя любую подходящую ситуацию.

Незадолго до начала **«третьей рабской войны»** в Риме происходили события, послужившие удобным плацдармом для дальнейшего развертывания повстанческой деятельности. Как говорилось, Италию сотрясали внутренние распри. Так называемая Союзническая война, длившаяся 3 года, стала одной из самых кровопролитных войн в истории Италии и унесла с собой, по оценкам античных историков, 100 тысяч жизней. Союзники – италийские племена марсов, самнитов, эквов, привлекавшиеся для несения службы в римской армии, – не имели римского гражданства, что означало ущемление их прав в политическом и экономическом положении. Сражаясь за Рим, то есть выполняя главную обязанность гражданина, они не имели права участвовать в управлении государством, получать земельные наделы, их можно было продавать в рабство за долги. Италики издавна служили в римской армии и были прекрасно осведомлены о ее организации и принципах ведения войны. Союзническая война велась с переменным успехом и обещала стать затяжной, когда в 88-м году до н.э. римляне пошли на уступки и при-

няли закон, по которому (теоретическое) право римского гражданина давалось италийским общинам, в двухмесячный срок сложившим оружие. Казалось, на землю Италии сошел мир. Но нет. Вскоре началась новая смута, вылившаяся в гражданскую войну. Историки античности не находили иных истоков этой войны, кроме как личной неприязни двух римских полководцев – Гая Мария, семикратного консула и победителя в Югуртинской войне (109—105 г.г. до н.э.), а также в упоминавшейся войне против тевтонов и кимвров, и его соперника Луция Суллы. Это была **«...непримиримая и жестокая вражда, – писал Плутарх в сочинении «Сравнительные жизнеописания» – которая чуть было не погубила Рим...»** Дважды в ходе этой братоубийственной войны Рим брали с боем римские же войска. Победа Суллы ознаменовалась кровавыми гонениями на сторонников Мария (Гай Марий умер в 86-м году до н.э., за 3 года до начала войны). Террор был введен в систему. Регулярно обнародовали списки граждан, подлежащих смерти, – проскрипции. Террор обрушивался на целые племена и города. Особенно пострадали Самний (самниты оказывали деятельную помощь Марию и марианцам) и Этрурия. Многие города этих областей были опустошены и лишились большей части своих земель, розданных Суллой своим ветеранам. Но и после смерти Суллы в 78-м году до н. э. Италия все еще находилась в состоянии кризиса, оказавшего заметное влияние на нравственные устои римских граждан. Со-

временники отмечали «падение нравов» и среди пороков новых дней особо выделяли властолюбие и жажду обогащения. Гай Саллюстий Крисп (86—34 г.г. до н.э.) заметил, что сами римляне, как-будто переступили грань своей истории (указывался даже конкретный год – 146-й год до н.э.), за которой (гранью) " ...судьба безудержно стала изливать свой гнев, и все перемешалось.» Так что, когда началась «**третья рабская война**», она не выглядела взрывом на фоне предшествовавших ей событий. Важнейшими источниками о «**третьей рабской войне**» считаются написанная Саллюстием в 40-х г.г. 1-го века до н.э. история Рима с 78-го г. до н.э.– (мятеж Лепида) до 67-го г. до н.э.– (образование 1-го триумvirата -? здесь нестыковка в датах, поскольку 1-й триумvirат был образован в 60—53 г.г. до н.э.), дошедшая до нас фрагментарно. Далее, «**Сравнительные жизнеописания**» древнегреческого биографа Плутарха и «**Римская история**» в 24-х томах Аппиана Александрийского. В томах 13—17 под названием «**Гражданские войны**» описываются события с 133-го по 35-й г.г. до н. э. Ни один из приведенных античных авторов, включая Луция Аннея Флора, не был современником, а тем более очевидцем, событий 73—71 г.г. до н.э., за исключением Саллюстия, который может считаться современником «рабской войны» – в то время ему было 13—15 лет. Античные историки, в целом, относились к восстанию негативно. Рабство в то время считалось нормой, а бунт рабов – нарушением общественного порядка. Та-

ким образом, все источники исходят от одной стороны – свободных римских граждан. И нет ни одного документа, написанного другой стороной, то есть рабом или бывшим рабом, поэтому их точка зрения неизвестна.

Казалось, гладиаторы, обученные сражаться на арене, должны были представлять собой среду, постоянно чреватую бунтами. Но во всей истории Рима зафиксировано всего два случая бунтов гладиаторов, помимо восстания Спартака. Учитывая данный факт, можно предположить, что существовала некая скрытая пружина, под воздействием которой побег рабов перерос в масштабную рабскую войну. Начиная с причины побега и странных обстоятельств бегства из гладиаторской школы и заканчивая неустановленной смертью Спартака, – всё в этой истории, описанной греко-римскими авторами, вызывает сомнение. Считается, что именно Спартак подговорил своих товарищей-гладиаторов совершить побег из школы, принадлежавшей Лентулу Батиату в Капуе. Об этом сообщает Аппиан Александрийский в **«Гражданских войнах»**: **«Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать жизнью в театре»**. Непонятно, зачем это понадобилось лично Спартаку, если на момент начала восстания он значился рудиарием, то есть входил в высший разряд гладиаторов, заслуживших право больше не выходить на арену. По всей вероятности, он, как и галл Эномай, считался тренером гладиаторов, хо-

тя и оставался в собственности хозяина. Вопреки расхожему мнению, основанному на вымышленных трагически-героических страшилках от итальянского, французского и американского кинематографа, гладиаторы были довольно сносно устроены в бытовом отношении, лучше, чем подавляющее большинство рабов и даже свободных римлян. Жестокое обращение с рабами-гладиаторами не было выгодно ланистам – хозяевам школ. На арену должны были выходить полные сил бойцы. Тренировки, диета, медицинское обслуживание гладиаторов – все устраивалось на самом высоком уровне. Прославленный римский врач Галлен начинал свою медицинскую деятельность молодым врачом в гладиаторской школе. Публичные дома поставляли в гладиаторские школы женщин, так как близость с женщиной являлась обязательным условием здорового образа жизни. Ужасы пребывания в гладиаторских школах начали живописать в императорские времена, когда настоящим социальным бедствием стало увлечение гладиаторством, и граждане Рима все больше вытесняли на аренах рабов и преступников. Во времена Республики контингент гладиаторских школ формировался, главным образом, из рабов и, в меньшей степени, из осужденных преступников. Устроители игр стремились приобретать только первосортный товар, им требовались прекрасно обученные бойцы, способные продемонстрировать на арене захватывающую борьбу, и ланисты за огромные деньги удовлетворяли спрос заказчиков. Несмотря на то, что в римском

обществе гладиаторское ремесло считалось довольно-таки постыдным, гладиаторские бои, тем не менее, были любимым развлечением римлян, где на зрительских скамьях находились рядом патриции и плебеи, а многих искусных в бою гладиаторов публика знала по прозвищам, поскольку большинство бойцов из гладиаторской школы были иностранцами с непроизносимыми для римлян именами. Знаменитые гладиаторы, как и знаменитые куртизанки, привлекали к себе общественное внимание и пользовались популярностью у римлян. Вот почему кажется странным желание рудиария Спартака бежать из гладиаторской школы, да еще и подбивать на побег других гладиаторов. Согласно другому автору, христианскому богослову и философу Синезию (370/375—413/414 г.г.), Спартака и Крикса назначили очистительными жертвами за римский народ. Крикса, может быть, и назначили очистительной жертвой, но Спартак, будучи тренером гладиаторов, не выходил на арену и не участвовал в боях. Зачем понадобился побег человеку, который вскоре мог получить свободу и стать вольноотпущенником? Возможно, Крикс, выходец из Галлии, а также его сородичи галлы, равно как и германцы, действительно, захотели свободы, но вне пределов школы они становились разбойниками и рисковали больше быть убитыми на воле, чем на арене. Все же рабы-гладиаторы совершили побег, предположительно, зимой, так как ежегодный обряд очищения проводился в феврале. Их замысел, пишет Аппиан, был вначале раскрыт, но все же

78 мужчин ворвались на кухню, вооружились там ножами и железными вертелами и перебили вставшую у них на пути стражу. Вырвавшись из стен школы, которую они никогда не покидали со дня, когда ланиста привез их туда скованными и в сопровождении вооруженной охраны, Спартак с товарищами тотчас нашли нужную им улицу, или, как повествуют наивные античные авторы, случайно вышли на улицу, где, по словам Плутарха: **«...встретили несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились.»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.